Юридический институт «М-Логос»

ДАЙДЖЕСТ НОВОСТЕЙ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БАНКРОТСТВА

Выпуск № 28

Дайджест новостей правового регулирования банкротства
/май-июнь 2020 года/

Оглавление:

I. НОВОСТИ ИНСТИТУТА **3**
II. ОСНОВНЫЕ НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ И ГРОМКИЕ БАНКРОТСТВА **3**
1. **Законы и подзаконные акты** 3
2. **Законопроекты** 4
3. **Громкие банкротства** 5
III. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА **5**
1. **Судебная практика Верховного суда РФ** 5
Процессуальные вопросы разбирательства по делу о банкротстве. 5
Установление требований, защита от злоупотребления в делах о банкротстве. 12
Оспаривание сделок должника. 17
Субсидиарная ответственность. 24
Залог и поручительство при банкротстве. 26
Торги. 33
Банкротство граждан. 34
Мировое соглашение. 36
Прочие вопросы. 39
IV. НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА: **41**
1. **Книги** 41
2. **Статьи** 41
3. **Блоги** 42

Уважаемые коллеги и дорогие друзья!

Рады представить вашему вниманию новый, 28-ой выпуск Даджйеста новостей правового регулирования банкротства, надеемся на ваш интерес к новым позициям Верховного Суда РФ, а также публикациям в сфере банкротства.

Следующий выпуск Дайджеста выйдет уже в сентябре, поэтому желаем вам отлично провести летние каникулы.

С уважением,

Алексей Мороз,

адвокат, магистр частного права (РШЧП),

к.э.н., управляющий партнер Адвокатского бюро "Эксиора" город Москва

I. НОВОСТИ ИНСТИТУТА

- В июле 2020 года электронное издательство «М-Логос» опубликовало в свободном доступе электронную версию новой книги Т.С. Красновой "Автономия воли и ее ограничение в сервитутном праве: монография» (М., М-Логос, 2020). Электронную версию книги можно бесплатно скачать здесь.

- В мае 2020 года электронное издательство «М-Логос» опубликовало в свободном доступе электронную версию новой книги Е.Ю. Петрова "СБОРНИК ЗАДАЧ ПО НАСЛЕДСТВЕННОМУ ПРАВУ» (М., М-Логос, 2020). Электронную версию книги можно бесплатно скачать здесь.

- В июне 2020 года электронное издательство «М-Логос» опубликовало электронную версию новой книги Р.С. Бевзенко "ПРИНЦИП ЕДИНСТВА СУДЬБЫ ПРАВ НА ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК И НА СТРОЕНИЯ НА НЕМ: введение в российское право недвижимости (Выпуск 2) (М., М-Логос, 2020). Электронную версию книги можно приобрести здесь.

- Все образовательные курсы Института по праву на период сентября – декабря 2020 года будут продолжать проводиться в онлайн-формате. На сайте Института опубликовано расписание онлайн-курсов повышения квалификации на этот период. См. здесь.

Среди таких курсов есть несколько, касающихся вопросов банкротства:

Онлайн-программа повышения квалификации «Практикум по эффективному ведению споров в сфере банкротства»	28.09 - 23.10
Вечерний онлайн-курс повышения квалификации «Банкротство юридических лиц и граждан: анализ актуальных новелл законодательства и практики применения»	25.11 - 29.01 (2 месяца)

- На сайте Юридического института «М-Логос» опубликован в свободном доступе видеозапись научного круглого стола, который Институт организовал онлайн в июне 2020 г.:

Научно-практический онлайн круглый стол «ЗАЧЕТ В ПОСТАНОВЛЕНИИ ПЛЕНУМА ВС РФ ОТ 11 ИЮНЯ 2020 ГОДА №6 «О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ ГК РФ О ПРЕКРАЩЕНИИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ»

- На сайте электронного издательства «М-Логос» доступны для приобретения видеозаписи ряда коротких онлайн-лекций, проведенных во втором квартале 2020 года. Архив видеозаписей см здесь Среди опубликованных лекций есть несколько, касающихся банкротства:

- Авторская видеолекция Н. Покрышкина «АНАЛИЗ ПОСЛЕДНЕЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВС РФ ПО БАНКРОТНОМУ ОСПАРИВАНИЮ»
- Авторская видеолекция Р. Мифтахудтинова «COVID-19 И БАНКРОТСТВО»

- На сайте Института опубликованы следующие дайджесты правовых новостей:

Дайджест новостей антимонопольного права за март – апрель 2020 года
Дайджест новостей российского и зарубежного частного права за март, апрель, май 2020 года
Дайджест новостей процессуального права за март, апрель, май 2020года
Дайджест новостей торгового и потребительского права за январь-март 2020 года
Дайджест новостей права интеллектуальной собственности за март - май 2020года

II. ОСНОВНЫЕ НОВЕЛЛЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О БАНКРОТСТВЕ И ГРОМКИЕ БАНКРОТСТВА

1. Законы и подзаконные акты

Федеральный закон от 08.06.2020 № 166-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях принятия неотложных мер, направленных на обеспечение устойчивого развития экономики и предотвращение последствий распространения новой коронавирусной инфекции"

(статья 9 – касательно срока обращения с заявление о признании должника банкротом в период действия моратория) опубликован и вступил в силу 08.06.2020 г.

Федеральный закон от 08.06.2020 N 181-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О внесении изменений в Федеральный закон "Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования" и отдельные законодательные акты Российской Федерации" (статья 2) опубликован 08.06.2020 г., вступил в силу 19.06.2020 г.

Постановление Правительства РФ от 22.05.2020 № 729 "О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2020 г. № 428

2. Законопроекты

Законопроект № 598603-7 О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" (в части уточнения порядка включения требований кредиторов в реестр)

Дата внесения в ГД: 30.11.2018 г.

Инициатор: Верховный суд Российской Федерации

Комитет: Комитет Государственной Думы по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям

Статус: принято во втором чтении 22.06.2020 г.

Из пояснительной записки к законопроекту

В соответствии с представленными изменениям в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» первичную стадию проверки обоснованности требований кредиторов предлагается переложить на арбитражного управляющего. Это приведет к тому, что бесспорные требования, по которым не имеется возражений, не будут доходить до суда.

Названный механизм введения первичного фильтра отсеивания бесспорных требований арбитражным управляющим в настоящий момент уже реализуется по определенным категориям должников (например, застройщики, банки). Поскольку такой порядок предъявления требований продемонстрировал свою эффективность, разумнее было бы распространить его на все категории должников.

Законопроект № 792949-7 О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внесудебного банкротства гражданина (в части внесудебного банкротства гражданина)

Дата внесения в ГД: 12.09.2019 г.

Инициатор: Депутаты Государственной Думы

Комитет: Комитет Государственной Думы по природным ресурсам, собственности и земельным отношениям

Статус: принято во втором чтении 22.06.2020 г.

Из пояснительной записки к законопроекту

Настоящий проект федерального закона направлен на введение внесудебного порядка признания гражданина банкротом. Сопровождение внесудебного порядка банкротства гражданина предлагается возложить на арбитражного управляющего, который будет обязан проверить соответствие гражданина предъявляемым законом требованиям и удостоверить данный факт. После чего он размещает сведения о возбуждении внесудебного порядка банкротства на ЕФРСБ. Последствия возбуждения внесудебного порядка сопоставимы с последствиями введения реструктуризации долгов, в частности прекращается начисление неустоек (штрафов, пеней) и иных финансовых санкций, а также процентов по всем обязательствам гражданина. В течение года кредиторы и уполномоченные органы имеют право подать заявление о признании должника банкротом в суд в общем порядке. Также указанный срок предоставляется в целях улучшения жизненной ситуации гражданина, поиска более высоко оплачиваемой работы, вступления в наследство. О возникновении указанных обстоятельств гражданин обязан сообщить арбитражному управляющему и своим кредиторам. Внесудебный порядок в данном случае прекращается. В противном случае - через год внесудебный порядок завершается наступлением банкротства гражданина в силу закона.

Важным аспектом также является бесплатность сопровождения данного порядка для гражданина. Вознаграждение арбитражному управляющему, а также возмещение его расходов будет выплачиваться из

фонда поддержки внесудебного банкротства граждан, формируемого национальным объединением саморегулируемых организаций арбитражных управляющих на основе взносов саморегулируемых организаций арбитражных управляющих. При этом сопровождать процедуру банкротства смогут только арбитражные управляющие, состоящие в саморегулируемой организации, являющейся членом национального объединения саморегулируемых организаций, которое установит порядок и сроки выплаты вознаграждения и возмещения расходов арбитражному управляющему саморегулируемой организацией.

3. Громкие банкротства

Банкротство физических лиц
АСВ подало иск о банкротстве Коркунова А.Н.
Экс-главу «Промсвязьбанка» признали банкротом
Финансовые услуги
«Траст» банкротит ФК «Рост»
Промышленность
Нефтяная компания банкротится из-за долга в 1,4 млрд рублей
Суд признал банкротом завод, задолжавший «Трасту» 8 млрд рублей

III. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ВЕРХОВНОГО СУДА

1. Судебная практика Верховного суда РФ

Процессуальные вопросы разбирательства по делу о банкротстве.
Определение ВС РФ от 19.05.2020 № 305-ЭС18-5193 (3)

Экстраординарное обжалование ошибочного взыскания, механизм которого предусмотрен пунктом 24 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 "О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве", отличается от вариантов обжалования, предусмотренных статьей 42 и главой 37 АПК РФ по субъектному составу.

В отличие от названных двух порядков экстраординарное обжалование ошибочного взыскания предполагает, что с заявлением обращается лицо (кредитор или арбитражный управляющий в интересах кредиторов), не участвовавшее в деле, которое и не подлежало привлечению к участию в нем, но которому судебный акт о взыскании долга объективно противопоставляется в деле о банкротстве ответчика (должника). Названный порядок обжалования по своей функциональности предполагает как возможность приведения новых доводов, так и представления (в случае необходимости) новых доказательств.

Согласно позиции, изложенной в определении ВС РФ от 24.12.2015 № 304-ЭС15-12643, вступление в дело лиц, обращающихся с жалобой в порядке пункта 24 постановления № 35 и желающих представить новые доказательства, должно осуществляться применительно к правилам о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам в суде апелляционной инстанции. При этом само по себе такое рассмотрение не является пересмотром по вновь открывшимся обстоятельствам, судом лишь по аналогии применяются соответствующие правила, которые в то же самое время не умаляют правовую природу экстраординарного порядка и не препятствуют представлению новых доказательств.

Если конкурсный кредитор, обратившись с заявлением по пункту 24 постановления № 35, ранее обращался с заявлением о пересмотре того же акта по вновь открывшимся обстоятельствам и ему было отказано, такой отказ не является основанием для отказа и в экстраординарном обжаловании в связи с отсутствием тождества между такими заявлениями.

Горная компания обратилась с иском к обществу "Стройпрогресс" о взыскании неотработанного аванса, общество обратилось со встречным иском. Первоначальный иск удовлетворен, во встречном иске отказано.

Впоследствии общество "Стройпрогресс" и его кредитор в деле о банкротстве - общество "Красногорские сети" - обратились с заявлениями о пересмотре постановления суда апелляционной инстанции об удовлетворении иска по вновь открывшимся обстоятельствам, сославшись на вступление в законную силу решения, подтверждающее факт отсутствия у истца проектной документации на разработку спорного месторождения. В удовлетворении заявлений о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам отказано.

После этого 25.03.2019 общество "Красногорские сети", ссылаясь на свой статус конкурсного кредитора общества "Стройпрогресс", обратилось с жалобой на упомянутое выше постановление суда апелляционной инстанции по правилам пункта 24 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 "О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве", представив, в числе прочего, новые доказательства в подтверждение факта выполнения ответчиком по первоначальному иску работ на объекте истца. В удовлетворении заявления общества "Красногорские сети" отказано, причем суд в резолютивной части указал на отказ в пересмотре постановления по вновь открывшимся обстоятельствам.

Рассматривая заявление (далее – новое заявление, настоящий обособленный спор) общества "Красногорские сети", суды фактически констатировали его тождественность заявлению о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам, поданному кредитором ранее, в результате чего суды не перешли к рассмотрению настоящего обособленного спора по существу приведенных кредитором доводов. Однако из содержания нового заявления следует, что кредитор ссылался на порядок обжалования, предусмотренный пунктом 24 постановления № 35.

Согласно правовой позиции, изложенной в определении ВС РФ от 24.12.2015 № 304-ЭС15-12643, обжалование кредитором (или арбитражным управляющим) судебных актов по правилам пункта 24 постановления № 35 (далее – экстраординарное обжалование ошибочного взыскания) является одним из выработанных судебной практикой правовых механизмов обеспечения права на судебную защиту лиц, не привлеченных к участию в деле, в том числе тех, чьи права и обязанности обжалуемым судебным актом непосредственно не затрагиваются.

При этом названный механизм отличается от предусмотренных АПК РФ порядков обжалования (пересмотра), закрепленных в статье 42 и главе 37 Кодекса.

Так, с жалобой по правилам статьи 42 Кодекса может обратиться лицо, чьи права и обязанности затрагиваются судебным актом непосредственно (пункт 1 постановления Пленума ВАС РФ от 28.05.2009 № 36 "О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде апелляционной инстанции" (далее – постановление № 36), то есть такое лицо, которое должно было участвовать в деле, но которое не было привлечено к участию в нем ввиду судебной ошибки.

Предусмотренный главой 37 Кодекса порядок (пересмотр вступившего в законную силу судебного акта по новым или вновь открывшимся обстоятельствам) предполагает, что с подобным заявлением могут обращаться лица, участвующие в деле (часть 1 статьи 312 Кодекса).

В отличие от названных двух порядков экстраординарное обжалование ошибочного взыскания предполагает, что с заявлением обращается лицо (кредитор или арбитражный управляющий в интересах кредиторов), не участвовавшее в деле, которое и не подлежало привлечению к участию в нем, но которому судебный акт о взыскании долга объективно противопоставляется в деле о банкротстве ответчика (должника). В случае признания каждого нового требования к должнику обоснованным доля удовлетворения требований остальных кредиторов снижается, в связи с чем они объективно заинтересованы, чтобы в реестр включалась только реально существующая задолженность (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23.08.2018 № 305-ЭС18-3533). Этим и обусловлено наделение иных кредиторов правом на экстраординарное обжалование ошибочного взыскания в рамках общеискового процесса.

Из этого следует также, что названный порядок обжалования по своей функциональности предполагает как возможность приведения новых доводов, так и представления (в случае необходимости) новых доказательств.

Согласно позиции, изложенной в упомянутом выше определении от 24.12.2015 № 304-ЭС15-12643, вступление в дело лиц, обращающихся с жалобой в порядке пункта 24 постановления № 35 и желающих представить новые доказательства, должно осуществляться применительно к правилам о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам в суде апелляционной инстанции (пункт 22 постановления № 36).

При этом само по себе такое рассмотрение не является пересмотром по вновь открывшимся обстоятельствам, судом лишь по аналогии (часть 5 статьи 3 АПК РФ) применяются соответствующие правила, которые в то же самое время не умаляют правовую природу экстраординарного порядка и не препятствуют представлению новых доказательств.

В рассматриваемом же случае суды, не учтя нюансов различных порядков обжалования (пересмотра) судебных актов, фактически приравняли процедуру, предусмотренную главой 37 Кодекса, к порядку, установленному пунктом 24 постановления № 35, в силу чего ошибочно квалифицировали новое заявление общества "Красногорские сети" как тождественное заявлению предыдущему.

В действительности, такое заявление не является повторным. Кредитор ранее не обращался в суд апелляционной инстанции с заявлением об экстраординарном обжаловании ошибочного взыскания (обращение в суд округа также не должно считаться тождественным заявлением, так как в суд округа не могут быть представлены новые доказательства).

Определение ВС РФ от 29.05.2020 № 305-ЭС19-26656

Как правило, при введении в отношении должника процедуры банкротства назначается управляющий, предложенный первым заявителем. Однако, если у суда имеются разумные подозрения в его независимости, то суд всегда имеет право затребовать кандидатуру другого управляющего (в том числе посредством случайного выбора). Поскольку законом вопрос об утверждении управляющего отнесен к компетенции суда, то суд не может быть связан при принятии соответствующего решения исключительно волей кредиторов (как при возбуждении дела, так и впоследствии).

В случае, если у суда возникнут обоснованные сомнения в независимости управляющего, чья кандидатура предложена первым кредитором, суд вправе назначить управляющего посредством случайной выборки либо утвердить кандидатуру, предложенную следующим кредитором, обратившимся с заявлением о признании должника банкротом.

Барцев Павел Иванович обратился в арбитражный суд с заявлением о признании должника банкротом на основе долга в размере 323 300 руб., подтвержденного судебным приказом.

Определением от 28.03.2019 заявление данного лица принято к производству, суд запросил у СРО предложенную кредитором кандидатуру арбитражного управляющего Петренко А.А. Со вторым заявлением о банкротстве должника обратился банк с требованием в размере 1,5 млрд. руб. Заявление банка принято как заявление о вступлении в дело о банкротстве.

К первому заседанию банк перечислил в депозит нотариуса сумму, соответствующую размеру обязательства должника перед Барцевым П.И., на основе этого банк заявил ходатайство о правопреемстве на стороне кредитора по первому заявлению о банкротстве.

Барцев П.И. был заменен на банк, впоследствии принят отказ банка от первого заявления о признании должника банкротом, производство по данному заявлению прекращено.

Суд первой инстанции запросил у СРО, предложенной банком, сведения о предложенной банком кандидатуре арбитражного управляющего Борисенко В.В. Однако определение отменено в части обязания второй СРО представить кандидатуру арбитражного управляющего.

Как правило, погашение вторым заявителем по делу требования первого, а равно осуществление процессуального правопреемства и заявление отказа от требования для придания второму искусственного приоритета – не могут сами по себе предоставлять второму заявителю право на предложение своей кандидатуры управляющего. Соответствующие разъяснения содержатся в пункте 27 Обзора дел с участием уполномоченного органа, на который сослался суд апелляционной инстанции.

Вместе с тем, согласно правовой позиции, изложенной в пункте 56 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 "О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве", суд не может допускать ситуации, когда полномочиями арбитражного управляющего обладает лицо, в наличии у которого должной компетентности, добросовестности или независимости у суда имеются существенные и обоснованные сомнения.

Названная правовая позиция получила свое органическое развитие в пункте 27.1 Обзора дел с участием уполномоченного органа, где указано что при подаче заявления как должником, так и его аффилированным лицом кандидатура временного управляющего определяется посредством случайного выбора.

Равным образом на этой же идее о необходимости обеспечения независимости и беспристрастности в работе арбитражного управляющего базируется и разъяснение пункта 12 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020; далее – Обзор дел по включению требований контролирующих лиц), согласно которому голоса контролирующих должника лиц не учитываются на собрании кредиторов при определении кандидатуры арбитражного управляющего.

На первый взгляд, правило о сохранении кандидатуры управляющего, предложенной первым заявителем, и перечисленные выше разъяснения могут быть квалифицированы как противоречащие друг другу. Однако такое понимание сочетания имеющихся в правоприменительной практике правовых позиций было бы ошибочным. Напротив, разъяснения, направленные на обеспечение независимости и беспристрастности арбитражного управляющего, требуют содержательного анализа взаимоотношений сторон и потому должны рассматриваться как дополняющие правило пункта 27 Обзора дел с участием уполномоченного органа, которое по своей природе является формальным и не предполагает учет контекста таких взаимоотношений.

Из приведенных суждений следует, что обычно назначается управляющий, предложенный первым заявителем. Однако, если у суда имеются разумные подозрения в его независимости, то суд всегда имеет право затребовать кандидатуру другого управляющего (в том числе посредством случайного выбора). Поскольку законом вопрос об утверждении управляющего отнесен к компетенции суда, то суд не может быть связан при принятии соответствующего решения исключительно волей кредиторов (как при возбуждении дела, так и впоследствии).

В данном случае подобного рода подозрения в независимости предложенного первым заявителем управляющего имели место. Как справедливо указывал банк, Барцев П.И. после получения удовлетворения своего требования продолжал возражать против процессуального правопреемства и настаивать на банкротстве должника. Подача Барцевым П.И. заявления совпала с вхождением должника в процедуру ликвидации. Кроме того, из Картотеки арбитражных дел следует, что сам должник обращался с апелляционной жалобой на определения о процессуальной замене и прекращении производства по первому заявлению, а также на определение, принятое по настоящему обособленному спору, тем самым консолидировавшись с Барцевым П.И.

Подобное поведение является необычным и должно было вызвать разумные подозрения со стороны суда. Единственное лежащее на поверхности логичное объяснение таким действиям может заключаться в наличии неформальных договоренностей между должником и Барцевым П.И. в целях осуществления набора мер, направленных на назначение связанного с ними арбитражного управляющего. Бремя опровержения таких подозрений лежало на Барцеве П.И. и должнике, однако ими иные мотивы своего поведения не приведены.

Таким образом, учитывая, что закон выдвигает к управляющему требование о независимости от должника (пункт 5 статьи 37 Закона о банкротстве, пункт 27.1 Обзора дел с участием уполномоченного органа, пункт 12 Обзора дел по включению требований контролирующих лиц), предложенная Барцевым П.И. кандидатура управляющего не могла быть утверждена.

В такой ситуации суд был вправе либо назначить случайный выбор управляющего, либо перейти к рассмотрению кандидатуры, предложенной банком как вторым заявителем по делу.

Определение ВС РФ от 08.06.2020 г. № 305-ЭС17-2261(8)

1. Положения пункта 24 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 "О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве" в полной мере распространяются также на ситуацию, в которой оспариваемое требование кредитора является рестутиционным и основано на судебном акте о признании сделки недействительной в деле о банкротстве. Определение о признании недействительной такой сделки и восстановлении требований кредитора может также быть обжалованы на основании пункта 24 Постановления Пленума № 35 конкурирующим кредитором.

2. Состоявшаяся проверка судебных актов в порядке кассационного судопроизводства не препятствует конкурсным кредиторам в реализации их права на обжалование судебного акта на основании пункта 24 Постановления Пленума № 35. В том случае, если доводы конкурсного кредитора требуют оценки доказательств и установления обстоятельств спора, его жалоба должна

быть рассмотрена в суде той инстанции, полномочной на совершение этих действий. По аналогии со статьей 42 АПК РФ жалоба конкурирующего кредитора подлежит рассмотрению применительно к правилам рассмотрения заявления о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам (определения Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2015 № 304-ЭС15-12643, от 08.02.2019 № 305-ЭС19-2227).

В то же время право обжалования судебного акта должно использоваться конкурсным кредитором для исключения из конкурсной массы сомнительных требований. В противном случае реализация права будет носить формальный характер, повлечет искусственное затягивание судебных процедур, увеличит судебные издержки и тем самым нарушит права и законные интересы иных участников дела о банкротстве. В силу этого подобное процессуальное поведение кредитора не может рассматриваться судом как добросовестное и, как следствие, не должно предоставлять ему судебной защиты (часть 2 статьи 41 АПК РФ).

Определением от 31.10.2018 суд признал недействительной сделкой списание в декабре 2015 года с расчетного счета института в пользу общества "РусИнжиниринг" 62 902 500 руб., обязал их возвратить в конкурсную массу должника и восстановил требование общества "РусИнжиниринг" к институту на ту же сумму.

На основании указанного судебного акта возбуждено дело о банкротстве общества "РусИнжиниринг" (дело № А40-5741/2019) и в реестр требований кредиторов этого общества включено требование института размере 62 902 500 руб.

21.03.2019 арбитражный суд принял к производству заявление общества "СитиЛайн" о включении его требований в реестр требований кредиторов общества "РусИнжиниринг" и 03.07.2019 удовлетворил эти требования.

В рамках дела о банкротстве института общество "СитиЛайн" 30.07.2019 обратилось в арбитражный суд с апелляционной жалобой на определение от 31.10.2018 и ходатайством о восстановлении срока на его обжалование. Позиция общества "СитиЛайн" сводилась, помимо прочего, к тому, что общество "РусИнжиниринг" вернуло институту 27 375 567,90 руб., следовательно, эта сумма полежала исключению из реестра требований кредиторов института.

Судом апелляционной инстанции жалоба была возвращена заявителю, суд округа поддержал возврат.

Одним из правовых механизмов, позволяющих проверить обоснованность требований кредитора, является предоставление возможности конкурирующим с ним кредиторам, не имевшим возможности ранее участвовать в судебном процессе по объективным причинам, однократно и консолидировано выдвигать возражения против законности и обоснованности судебного акта, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование. Тем самым решается задача исключения из реестра требований, основанных на искусственно инициированном судебном споре, в котором обе стороны, будучи так или иначе связанными между собой, по сути заинтересованы в одном и том же исходе дела и обращаются в суд лишь для формального соблюдения требований пункта 1 статьи 71 и пункта 1 статьи 100 Закона о банкротстве с целью получения внешне безупречного судебного акта для включения в реестр требований кредиторов (определения Верховного Суда Российской Федерации от 11.09.2017 № 301-ЭС17-4784, от 21.02.2019 № 308-ЭС18-16740, от 03.02.2020 № 305-ЭС19-18970).

Формальный судебный спор характеризуется, как правило, минимальным набором доказательств, представленных одной стороной спора; пассивной позицией другой стороны в опровержении этих доказательств; признанием иска или обстоятельств дела; неявкой представителей в судебное заседание; отсутствием попыток со стороны проигравшей стороны обжаловать судебный акт и т.п. Активная позиция конкурирующих кредиторов по опровержению доказательств, положенных в основу судебного акта; по предоставлению новых доказательств; по выдвижению новых доводов, иначе интерпретирующих позицию, ранее подтвержденную в суде, превращает судебный спор в реальный (то есть тот, разрешения которого и является задачей арбитражных судов в соответствии со статьей 2 АПК РФ) и восполняет недостатки процессуального поведения сторон формального спора.

Тот факт, что требование общества "РусИнжиниринг" к институту носит реституционный характер и установлено в результате признания сделки недействительной в деле о банкротстве последнего, не лишает кредитора, конкурирующего с обществом "РусИнжиниринг", права обжалования судебного акта, подтвердившего обоснованность требований последнего. В связи с этим судебная коллегия не может

согласиться с выводами апелляционного и окружного судов об обратном: пункт 24 постановления № 35 распространяется в полной мере и на данную ситуацию.

Нет оснований и для вывода о том, что состоявшаяся проверка судебных актов в порядке кассационного судопроизводства препятствует конкурсным кредиторам в реализации их права на обжалование судебного акта. В том случае, если доводы конкурсного кредитора требуют оценки доказательств и установления обстоятельств спора, его жалоба должна быть рассмотрена в суде той инстанции, полномочной на совершение этих действий. По аналогии со статьей 42 АПК РФ жалоба конкурирующего кредитора подлежит рассмотрению применительно к правилам рассмотрения заявления о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам (определения Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2015 № 304- ЭС15-12643, от 08.02.2019 № 305-ЭС19-2227).

В то же время право обжалования судебного акта должно использоваться конкурсным кредитором для исключения из конкурсной массы сомнительных требований. В противном случае реализация права будет носить формальный характер, повлечет искусственное затягивание судебных процедур, увеличит судебные издержки и тем самым нарушит права и законные интересы иных участников дела о банкротстве. В силу этого подобное процессуальное поведение кредитора не может рассматриваться судом как добросовестное и, как следствие, не должно предоставлять ему судебной защиты (часть 2 статьи 41 АПК РФ). В данном случае судебный спор о недействительности сделки инициирован конкурсным управляющим института, преследующим цель возврата в конкурсную массу института неправомерно перечисленных денежных средств; обе стороны спора занимали активные процессуальные позиции, предоставляя доказательства и опровергая позиции друг друга; судебные акты последовательно обжаловались и дело рассмотрено дважды судами трех инстанций. При таких обстоятельствах оснований полагать, что судебный спор носил формальный характер, не имеется ни по составу его участников, ни по процессуальной деятельности сторон.

Напротив, подобные признаки формальности усматриваются в действиях общества "СитиЛайн", поскольку доводы его жалобы сводились к тем же аргументам, которые ранее заявлялись в арбитражных судах различных инстанций и получили судебную оценку.

Определение ВС РФ от 10.06.2020 г. № 305-ЭС19-26610

Кредитор, обжалуя судебный акт о взыскании денежных средств в пользу конкурирующего кредитора, действует не только в собственных интересах, но и в интересах всех иных кредиторов должника. Поэтому в разъяснениях, приведенных в пункте 24 Постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», закреплен принцип процессуального соучастия: все конкурсные кредиторы, а также арбитражный управляющий вправе принять участие в рассмотрении жалобы, в том числе представить новые доказательства и заявить новые доводы; повторное обжалование названными лицами того же судебного акта по тем же основаниям не допускается.

При подаче одним кредитором апелляционной жалобы иные конкурсные кредиторы имеют разумные ожидания относительно того, что доводы о незаконности судебного акта будут рассмотрены апелляционным судом. При последовательном прекращении производства по двум аналогичным апелляционным жалобам на такой судебный акт с формальной ссылкой на пропуск шестимесячного срока на апелляционное обжалование может сложиться ситуация, при которой кредиторы по не зависящим от них обстоятельствам фактически лишаются возможности заявить возражения по требованию общества, которое они считают фиктивным, что нарушает их право на судебную защиту, гарантированное частью 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации.

Исходя из недопустимости ограничения фундаментального права на судебную защиту, в подобном случае правило о невозможности обращения одного кредитора с апелляционной жалобой, тождественной жалобе другого кредитора, не подлежит применению.

ООО «Жилстрой» обратилось в суд с иском к управлению (заказчик) о взыскании задолженности по оплате работ по строительству физкультурно-оздоровительного комплекса.

Судами первой и апелляционной инстанций иск удовлетворен. Общество на основании данных актов инициировало возбуждение дела о банкротстве управления.

Впоследствии (23.05.2019) предприятие, сославшись на то, что оно является конкурсным кредитором управления, а решение суда первой инстанции, которым с управления взысканы денежные средства в пользу общества, основано на недостоверных доказательствах, обжаловало решение в апелляционном порядке.

Из пункта 24 постановления Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» и существа отношений, возникающих между лицами, претендующими на удовлетворение требований за счет имущества должника, следует, что для конкурсных кредиторов и управляющего апелляционное обжалование судебного акта, на котором основано заявленное в деле о банкротстве требование, становится возможным с момента, когда они узнали или должны были узнать о нарушении обжалуемым судебным актом прав и законных интересов гражданско-правового сообщества, объединяющего кредиторов, а не с момента приобретения тем или иным кредитором абстрактного права на заявление возражений.

Сам по себе факт вынесения судом решения о взыскании с должника денежных средств в пользу одного из кредиторов не нарушает права и законные интересы других кредиторов, поскольку не свидетельствует о том, что иные кредиторы лишаются того, на что они справедливо рассчитывали. По смыслу Закона о банкротстве законный материальный интерес любого кредитора состоит в наиболее полном погашении его требования. Достижению указанной цели препятствует включение в реестр в действительности не существующего требования, основанного на фиктивных документах.

В рассматриваемом случае предприятие ссылалось на то, что нарушение его прав произошло вследствие недостоверности доказательств, положенных в основу судебного решения, и об этом обстоятельстве оно узнало из постановления по уголовному делу Луховицкого районного суда от 13.02.2019 по делу № 1-16/19, вступившего в законную силу 26.02.2019.

Изначально решение от 06.02.2015 было обжаловано в суд апелляционной инстанции администрацией как кредитором управления. В своей жалобе администрация ссылалась на те же обстоятельства, что и предприятие. Администрация заявила ходатайство о восстановлении пропущенного срока на обжалование решения, мотивированное тем, что о фиктивности доказательств она узнала из судебного постановления по уголовному делу. Апелляционная жалоба подана администрацией 25.03.2019, то есть в пределах месячного срока со дня вступления в законную силу постановления Луховицкого районного суда, что согласуется с разъяснениями, приведенными в абзаце третьем пункта 33 постановления № 99, пункте 24 постановления № 35. Определением от 16.04.2019 суд апелляционной инстанции принял жалобу администрации к производству, восстановив пропущенный срок на обжалование.

При изложенных обстоятельствах кредиторы управления, в том числе предприятие, имели разумные ожидания относительно того, что доводы о недостоверности доказательств будут рассмотрены апелляционным судом. Однако суд апелляционной инстанции жалобу администрации по существу не рассмотрел, прекратив по ней производство определением от 28.05.2019, сочтя, что срок на обжалование начал течь со дня принятия к рассмотрению требования администрации к управлению в деле о его банкротстве (с 24.10.2017).

Резолютивная часть определения о прекращении производства по апелляционной жалобе администрации объявлена 21.05.2019. Незамедлительно после этого (23.05.2019) предприятие подало свою апелляционную жалобу.

Производство по второй жалобе также было прекращено со ссылкой на начало течения срока на обжалование с 20.11.2018 (задолго до того, как появились результаты рассмотрения уголовного дела).

В результате последовательного прекращения производства по жалобам сначала администрации, а затем и предприятия сложилась ситуация, при которой кредиторы по не зависящим от них обстоятельствам фактически были лишены возможности заявить возражения по требованию общества, которое они считают фиктивным, что нарушает их право на судебную защиту, гарантированное частью 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации.

При этом дело о несостоятельности управления возбуждено по заявлению общества на основании оспариваемой кредиторами задолженности по договору подряда, оно рассматривается судом более трех лет, а общество, будучи мажоритарным кредитором, по сути, контролирует банкротный процесс.

Без проверки доводов апелляционной жалобы предприятия невозможно справедливо разрешить дело о несостоятельности управления, в том числе в части определения судьбы должника и его имущества, распределения конкурсной массы между кредиторами, определения круга лиц, подлежащих привлечению к субсидиарной ответственности и т.д.

Исходя из недопустимости ограничения фундаментального права на судебную защиту, судебная коллегия полагает, что в данном случае правило о невозможности обращения одного кредитора с апелляционной жалобой, тождественной жалобе другого кредитора, не подлежит применению.

Установление требований, защита от злоупотребления в делах о банкротстве.

Определение ВС РФ от 21.05.2020 № 308-ЭС19-17398 (2)

В случае совпадения в одном лице кредитора по кредитному обязательству и векселедержателя по заложенному векселю самого должника, если кредитное обязательство было реальным и было включено в реестр, есть основания для включения в реестр также и вексельного долга. При этом требования третьего лица-залогодателя, передавшего векселя в обеспечение исполнения кредитного соглашения, по отношению к кредитору-векселедержателю субординируются.

В целях включения в реестр требований по векселю и обеспечения указанной субординации в судебном акте необходимо предусмотреть следующий механизм: по отношению к требованиям всех иных кредиторов, не участвующих в обеспечительных отношениях, долг по кредиту и вексельный долг должны восприниматься и учитываться как единое консолидированное обязательство. После наполнения конкурсной массы при определении пропорции, на основе которой выручка будет распределяться между кредиторами, данное консолидированное требование учитывается целиком как если бы это было одно требование, принадлежащее одному кредитору. Затем поступившие в пользу держателя (держателей) данного консолидированного долга средства расходуются сначала на погашение требования с приоритетом, а потом (в случае полного погашения приоритетного требования) – на удовлетворение обеспечительного требования. Решая вопрос, кто должен быть учтен в качестве кредитора по обеспечительному долгу, суд должен принять во внимание, в чью пользу был совершен залоговый индоссамент – такое лицо в силу пункта 19 Положения о векселе как фактический держатель ценных бумаг имеет возможность осуществлять все права, вытекающие из них.

В то же время по смыслу пункта 4 статьи 329 ГК РФ прекращение основного обязательства по общему правилу влечет прекращение обеспечивающего его обязательства. Применительно к подобному обособленному спору это означает следующее: после того, как размер удовлетворенного обязательства в рамках единого консолидированного требования будет соответствовать размеру долга по кредиту, залоговое обязательство залогодателя перед векселедержателем прекратится. Следовательно, у фактического владельца векселей не останется оснований как быть кредитором по векселям в реестре, так и удерживать ценные бумаги. После погашения кредитного обязательства права кредитора по вексельному долгу должны перейти к залогодателю; такая замена конкурсного кредитора должна осуществляться арбитражным управляющим автоматически без необходимости вынесения дополнительного судебного акта.

В случае, если такой механизм не будет прописан в судебном акте, это будет фактически означать, что создается ситуация правовой неопределенности по вопросу о том, каким образом залогодатель имеет возможность реализовать свои кредиторские права.

В рамках дела о банкротстве должника банк обратился с заявлением о включении в реестр его требования в сумме 871 257 670,16 руб. Кроме того, с заявлением о включении в реестр требований в сумме 860 632 136,16 руб. обратилась компания.

Требования банка включены в реестр в заявленном размере, компании отказано в удовлетворении ее требований.

17.08.2012 между банком и должником заключен договор кредитной линии, по условиям которого банк предоставил должнику денежные средства в виде кредитной линии с лимитом выдачи на сумму 1 621 млн. руб. Вытекающие из указанного кредита требования включены в реестр требований кредиторов.

При этом в целях обеспечения исполнения обязательств по кредиту компания передала банку в залог семь простых векселей самого должника по договору заклада векселей от 20.02.2013. Суды установили, что векселя содержат залоговый индоссамент: "платите приказу "НОМОС-БАНК" (ОАО "НОМОС-БАНК" является правопредшественником банка-участника спора).

Полагая, что наличие подобного индоссамента дает право на взыскание долга с векселедателя, банк обратился с настоящим заявлением в арбитражный суд.

Суды отметили, что факт совпадения в одном лице кредитора по договору кредитной линии и векселедержателя не свидетельствует о необоснованности заявленного требования, поскольку вексельный долг основан на реальном требовании к должнику из заемных обязательств. При погашении требований

банка по кредиту будет прекращаться и обеспечивающее обязательство, поскольку размер удовлетворенных требований по акцессорному долгу не может превышать сумму основного обязательства.

Отношения между банком, должником и компанией были построены по следующей модели. Банк выдавал кредит, в то же самое время принимая в залог от компании эмитированные самим же должником векселя на сопоставимую с размером кредита сумму. Такое обеспечение, с экономической точки зрения, не является классическим: с одной стороны, оно в отличие от обычного залога не обособляет ценность неденежного имущества должника для целей удовлетворения конкретного кредитора, с другой стороны, оно не повышает гарантии возврата долга за счет имущества стороннего (третьего) лица, не являющегося заемщиком.

В то же время передача векселей самого заемщика в залог повышает вероятность исполнения обязательства перед кредитором иным образом: подобное структурирование отношений предполагает, что долг перед компанией по векселю не будет уплачен ранее долга перед банком, в результате чего банк фактически начинает контролировать долговую нагрузку на должника со стороны иных кредиторов (векселеполучателей), предоставивших обеспечение. Соответственно, гарантия исполнения обязательства по кредиту увеличивается в связи с тем, что внутри отношений банка и выдавшего обеспечение кредитора (залогодателя) удовлетворение из относительно ограниченного имущества должника будет предоставлено сначала банку, а затем иным кредиторам. Следовательно, требование залогодателя фактически субординируется по отношению к требованию банка (применительно к правилам статьи 309.1 ГК РФ).

Тем не менее, суды установили, что требование по векселю является реальным и подлежащим включению в третью очередь. Исходя из этого перед судами стояла задача принять решение, которое, с одной стороны, позволяло бы включить требование по векселю в третью очередь реестра (поскольку могут быть иные кредиторы, не участвующие в отношениях банка с залогодателем, перед которыми последний не обязывался получить удовлетворение в пониженной очереди), а с другой стороны, обеспечить субординацию вексельного долга перед кредитным обязательством.

Для этих целей необходим следующий механизм: по отношению к требованиям всех иных кредиторов, не участвующих в обеспечительных отношениях, долг по кредиту и вексельный долг должны восприниматься и учитываться как единое консолидированное обязательство. После реализации имущества должника (или наполнения конкурсной массы в результате иных действий, например, оспаривания сделок) при определении пропорции, на основе которой выручка будет распределяться между кредиторами, данное консолидированное требование учитывается целиком как если бы это было одно требование, принадлежащее одному кредитору. Затем поступившие в пользу держателя (держателей) данного консолидированного долга средства расходуются сначала на погашение требования с приоритетом, а потом (в случае полного погашения приоритетного требования) – на удовлетворение обеспечительного требования.

Решая вопрос, кто должен быть учтен в качестве кредитора по обеспечительному долгу, суды в рассматриваемой ситуации правильно приняли во внимание, что в пользу банка был совершен залоговый индоссамент, в связи с чем он в силу пункта 19 Положения о векселе как фактический держатель ценных бумаг имеет возможность осуществлять все права, вытекающие из них.

В то же время по смыслу пункта 4 статьи 329 ГК РФ прекращение основного обязательства по общему правилу влечет прекращение обеспечивающего его обязательства. Применительно к настоящему обособленному спору это означает следующее: после того, как размер удовлетворенного обязательства в рамках единого консолидированного требования будет соответствовать размеру долга по кредиту, залоговое обязательство компании перед банком прекратится. Следовательно, у банка не останется оснований как быть кредитором по векселям в реестре, так и удерживать ценные бумаги. После погашения кредитного обязательства права кредитора по вексельному долгу должны перейти к компании; такая замена конкурсного кредитора должна осуществляться арбитражным управляющим автоматически без необходимости вынесения дополнительного судебного акта.

Суды же, не предусмотрев в судебных актах механизм такого перехода и отказав компании во включении ее требований в реестр, создали ситуацию правовой неопределенности по вопросу о том, каким образом компания имеет возможность реализовать свои кредиторские права.

Определение ВС РФ от 25.05.2020 № 306-ЭС19-28454

При разрешении спора о включении требований в реестр требований кредиторов нового должника, получившего данный статус в связи с приватизным переводом долга, необходимо учитывать, что судебная практика исходит из презумпции возмездности гражданско-правовых

договоров и действительности соответствующей сделки по переводу долга в отсутствие в ней условий о получении новым должником каких-либо имущественных выгод, в том числе оплаты за принятие долга на себя. Если при привативном переводе долга отсутствует денежное предоставление со стороны первоначального должника и не доказано намерение нового должника одарить первоначального, презюмируются иные, не связанные с денежными, основания возмездности подобной сделки. В частности, такая возмездность, как правило, вытекает из внутригрупповых отношений первоначального и нового должников, в связи с чем, в подобной ситуации не применяются правила пункта 3 статьи 424 ГК РФ об определении цены в денежном выражении.

Возложение на кредитора риска признания перевода долга недействительным по причине невозмездности перевода долга подрывает его разумные ожидания и дестабилизирует оборот в целом.

В рамках дела о банкротстве должника банк обратился в суд с заявлением о включении в реестр требования. В удовлетворении требований банка отказано.

В 2013 году между банком и обществом "Доминатус" (первоначальный должник) заключено пять кредитных договоров.

27.05.2014 между банком и обществами "Доминатус" и "Союзшахтоосушение" по указанным сделкам заключено соглашение о переводе долга, согласно которому общество "Союзшахтоосушение" в полном объёме приняло на себя обязательства первоначального должника по возврату выданных кредитов. В качестве встречного предоставления за принятие долга общество "Доминатус" обязалось в срок до 28.05.2014 уступить обществу "Союзшахтоосушение" право требования на получение денежных средств за выполненные работы по договору подряда от 20.01.2014 с третьим лицом – обществом с ограниченной ответственностью "Интеллект Строй".

Общество "Доминатус" прекратило свою деятельность 11.05.2016, а общество "Интеллект Строй" – 21.03.2018.

Соглашение о переводе долга может быть предметом оспаривания по специальным основаниям и в сроки, предусмотренные статьями 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве, что также не препятствует суду квалифицировать сделку, при совершении которой допущено злоупотребление правом, как ничтожную (статьи 10 и 168 ГК РФ), в том числе при рассмотрении требования, основанного на такой сделке.

Судебная практика исходит из того, что, разрешая вопрос о получении новым должником встречного предоставления при привативном переводе долга (когда первоначальный должник, как в рассматриваемой ситуации, выбывает из обязательства), необходимо исходить из презумпции возмездности гражданско-правовых договоров (пункт 3 статьи 423 ГК РФ) и действительности соответствующей сделки в отсутствие в ней условий о получении новым должником каких-либо имущественных выгод, в том числе оплаты за принятие долга на себя. Если при привативном переводе долга отсутствует денежное предоставление со стороны первоначального должника и не доказано намерение нового должника одарить первоначального, презюмируются иные, не связанные с денежными, основания возмездности подобной сделки. В частности, такая возмездность, как правило, вытекает из внутригрупповых отношений первоначального и нового должников, в связи с чем, в подобной ситуации не применяются правила пункта 3 статьи 424 ГК РФ об определении цены в денежном выражении (пункт 19 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018), утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28.03.2018).

Об аффилированности первоначального и нового должников (директором обоих обществ являлось одно и то же лицо) банк последовательно указывал на протяжении всего судебного разбирательства. По его мнению, сделка преследовала цель реструктуризации задолженности внутри группы лиц. Банк ссылался на то, что, не будучи связанным с членами этой группы, он не знал и не мог знать о характере отношений нового и первоначального должника (их возмездности/безвозмездности).

Возложение на кредитора риска признания перевода долга недействительным по данному основанию подрывает его разумные ожидания и дестабилизирует оборот в целом.

Буквальное содержание условий соглашения о переводе долга не предполагало его безвозмездности. Экономический смысл сделки заключался в принятии новым должником на себя обязательств первоначального должника в обмен на дебиторскую задолженность, а также получение от банка ещё не выданных первоначальному должнику в рамках кредитной линии траншей.

В подтверждение обоснованности требования заявитель неоднократно обращал внимание судов на то, что в день подписания соглашения о переводе долга новый должник оплатил банку проценты по всем переданным ему кредитным договорам, то есть непосредственно приступил к исполнению соглашения о переводе долга. После этого в период с декабря 2014 года по май 2015 года банк производил выдачу новому должнику (обществу "Союзшахтоосушение") денежных средств в рамках одного из переданных по соглашению о переводе долга кредитных договоров.

Определение ВС РФ от 03.06.2020 г. № 306-ЭС20-224 (1, 4, 6)[1]

В случае рассмотрения заявления аффилированного по отношению к должнику лица о включении суммы задолженности в реестр требований в соответствии разъяснениями, содержащимися в Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утвержденном Президиумом ВС РФ 29.01.2020, судам необходимо установить: является ли кредитор контролирующим лицом; если кредитор аффилирован с должником, но не имеет при этом контроля над должником, предоставил ли он финансирование под влиянием контролирующего должника лица; каково было имущественное положение должника в момент предоставления финансирования.

Общество обратилось в суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов центра (должника) 932 000 000 рублей невозвращенной суммы займа, процентов за пользование заемными средствами, неустойки. Общество также просило признать часть его требования обеспеченной залогом движимого имущества центра.

Судами трех инстанций требование удовлетворено в полном объеме.

20.02.2017 и 26.04.2017 обществом (займодавцем) и центром (заемщиком) подписаны рамочные соглашения о порядке и условиях привлечения центром для пополнения его оборотных средств денежных средств общества. Согласно рамочным соглашениям при заключении отдельных договоров займа стороны согласовывают сумму займа, сроки его предоставления и возврата, процентную ставку. Суммы займов не были возвращена центром.

В обеспечение исполнения заемных обязательств центр передал обществу в залог движимое имущество (договор залога от 21.08.2017). Суды установили, что общество (кредитор) и центр (должник) являются аффилированными лицами.

Включая задолженность перед обществом в реестр требований кредиторов и относя ее к третьей очереди удовлетворения, суды исходили из экономической целесообразности выдачи займов центру.

Однако установленная судами целесообразность финансирования центра аффилированным обществом не предопределяет то, каким образом должен быть разрешен вопрос об очередности погашения требований о возврате данного финансирования: наравне с требованиями независимых кредиторов или нет.

В Обзоре судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц (далее – обзор судебной практики), утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020, обобщены правовые подходы, применение которых позволяет сделать вывод о наличии или отсутствии оснований для понижения очередности (субординации) требования аффилированного с должником лица.

Согласно пункту 1 статьи 9 Закона о банкротстве при наличии любого из обстоятельств, указанных в этом пункте, считается, что должник находится в трудном экономическом положении (далее – имущественный кризис) и ему надлежит обратиться в суд с заявлением о собственном банкротстве.

Контролирующее лицо, которое пытается вернуть подконтрольное общество, пребывающее в состоянии имущественного кризиса, к нормальной предпринимательской деятельности посредством предоставления данному обществу финансирования (далее – компенсационное финансирование), в частности, с использованием конструкции договора займа, т.е. избравшее модель поведения, отличную от предписанной Законом о банкротстве, принимает на себя все связанные с этим риски, в том числе риск утраты компенсационного финансирования на случай объективного банкротства. Данные риски не могут перекладываться на других кредиторов (пункт 1 статьи 2 ГК РФ). Таким образом, при банкротстве требование о возврате компенсационного финансирования не может быть противопоставлено их требованиям – оно подлежит удовлетворению после погашения требований, указанных в пункте 4 статьи 142 Закона о

[1] Смотри также Определение ВС РФ от 04.06.2020 г. № 306-ЭС20-224 (2, 3, 5) по тому же делу

банкротстве, но приоритетно по отношению к требованиям лиц, получающих имущество должника по правилам пункта 1 статьи 148 Закона о банкротстве и пункта 8 статьи 63 ГК РФ (в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты) (пункт 3.1 обзора судебной практики).

Наряду с выдачей займов формами финансирования должника являются, в частности, невостребование контролирующим лицом займа в разумный срок после истечения срока, на который он предоставлялся, отказ от реализации права на досрочное истребование займа, предусмотренного договором или законом (например, пункт 2 статьи 811, статья 813 ГК РФ), или подписание дополнительного соглашения о продлении срока возврата займа. Если такого рода финансирование осуществляется в условиях имущественного кризиса, то оно признается компенсационным с отнесением на контролирующее лицо всех рисков, в том числе риска утраты данного финансирования на случай объективного банкротства (пункт 3.2 обзора судебной практики).

Неустраненные контролирующим лицом разумные сомнения относительно того, являлось ли предоставленное им финансирование компенсационным, толкуются в пользу независимых кредиторов (пункт 3.4 обзора судебной практики).

В том же положении, что и контролирующее лицо, находится кредитор, не обладающий контролем над должником, аффилированный с последним, предоставивший компенсационное финансирование под влиянием контролирующего должника лица. При этом в ситуации, когда аффилированные должник и кредитор имеют одного конечного бенефициара, предполагается, что, финансирование предоставлено по указанию контролирующего лица, пока не доказано иное (пункт 4 обзора судебной практики).

Таким образом, в соответствии с содержащимися в обзоре судебной практики разъяснениями, в том числе с учетом приведенных подходов о распределении бремени доказывания, судам следовало дополнительно установить: являлось ли общество - кредитор контролирующим центр лицом; если общество было аффилированным с центром лицом, не имеющим контроля над должником, предоставило ли оно финансирование под влиянием контролирующего центр лица; каково было имущественное положение центра в момент предоставления финансирования.

Неправильно определив предмет доказывания по спору, суды не установили указанные обстоятельства, имеющие существенное значение для его правильного разрешения.

Определение ВС РФ от 08.06.2020 г. № 306-ЭС20-1077

При разрешении вопроса о том, была ли погашена задолженность в результате банковской проводки от одного хозяйствующего субъекта (должника) другому (кредитору), обслуживаемых одной кредитной организацией вследствие совершения внутренних операций по счетам этих субъектов обслуживающим банком в преддверии его банкротства необходимо учитывать, что при отсутствии денежных средств на корреспондентском счете обслуживающего банка он не в состоянии реально исполнить поручения клиентов по причине неплатежеспособности. В такой ситуации безналичные деньги, являющиеся, по сути, записями по счетам клиентов, которые ведет обслуживающий банк, утрачивают свое назначение как средство платежа.

При разрешении вопроса о включении в реестр требования кредитора, вытекающего из спорных платежей, суду надлежит установить, с какого момента денежные средства на счетах клиентов банка утратили свойства безналичных денег и не могли рассматриваться как средство платежа, исходя из этого дать правовую квалификацию спорным операциям с расчетного счета должника на корреспондентский счет кредитора, после чего принять решение по требованию.

Если в результате банковских проводок, осуществленных в отношении двух клиентов банка-банкрота без использования его корреспондентского счета, произведена запись о пополнении корреспондентского счета кредитора, такие действия (при их акцепте кредитором) могут являться подтверждением того, что должник уступил, а кредитор – владелец корреспондентского счета – приобрел требование к банку на зачисленную сумму. Учитывая, что в деле о банкротстве банка имеется только абстрактная возможность полного удовлетворения требований кредиторов третьей очереди, нельзя утверждать, что кредитор получит полное удовлетворение требований по фактически осуществленной уступке. Поэтому в ситуации акцепта кредитором действий по уступке, необходимо было определить реальную рыночную стоимость требования кредитора к банку, возникшего в результате спорных проводок, исходя из этого разрешить заявление кредитора о включении в реестр требований кредиторов должника, имея в виду вытекающую из пункта 3 статьи 423 ГК РФ обязанность кредиторм по оплате должнику уступленного требования к банку.

ПАО «Тимер Банк» обратилось в суд с заявлением о включении суммы задолженности в реестр требований кредиторов общества.

Судами трех инстанций требование кредитора частично включено в реестр.

Общество (заемщик) получило кредиты в Татфондбанке на основании восьми кредитных договоров.

Впоследствии Татфондбанк (цедент) уступил требования к обществу, вытекающие из упомянутых кредитных договоров, Тимер банку (цессионарию) по договору уступки требования от 24.10.2016.

Отказывая во включении в реестр задолженности по ряду кредитных договоров, суды сочли, что данная задолженность погашена обществом платежными поручениями от 07.12.2016 и от 12.12.2016.

В ходе рассмотрения спора Тимер банк обращал внимание на то, что у него имелся открытый в Татфондбанке корреспондентский счет: Татфондбанк как банк-корреспондент отражал по счету «ЛОРО» суммы переводов денежных средств, зачисленные на корреспондентский счет Тимер банка (банкареспондента). Общество тоже имело расчетный счет в Татфондбанке. После уступки требования и общество, и Тимер банк продолжали использовать названные счета. Операции по списанию денежных средств в погашение задолженности по кредитным договорам, проведенные по упомянутым счетам 12.12.2016, оформлены посредством технических записей, совершенных внутри системы учета Татфондбанка, без использования корреспондентского счета последнего. Они привели к уменьшению остатка на расчетном счете общества (плательщика), обслуживаемом Татфондбанком, и одновременно к пополнению счета «ЛОРО» Тимер банка (получателя), учет операций по которому также вел Татфондбанк.

Вопрос о том, была ли ими погашена задолженность общества перед Тимер банком по кредитным договорам, представляет собой спор двух хозяйствующих субъектов, обслуживаемых одной кредитной организацией, возникший вследствие совершения внутренних операций по счетам этих субъектов обслуживающим банком в преддверии его банкротства.

При отсутствии денежных средств на корреспондентском счете обслуживающего банка он не в состоянии реально исполнить поручения клиентов по причине неплатежеспособности. В такой ситуации безналичные деньги, являющиеся, по сути, записями по счетам клиентов, которые ведет обслуживающий банк, утрачивают свое назначение как средство платежа. Данный вывод согласуется с правовой позицией, изложенной в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 25.07.2001 № 138-О, согласно которой исполнение банком распоряжения клиента, выданного на основании договора банковского счета, о перечислении средств со счета данного клиента может осуществляться лишь при наличии на корреспондентском счете обслуживающего банка необходимых денежных средств.

Тимер банк приводил доводы о том, что уже с 08.12.2016 Татфондбанк был не в состоянии реально исполнять поручения клиентов, у него начала формироваться картотека неудовлетворенных требований в связи с недостаточностью денежных средств на корреспондентских счетах кредитной организации.

Если приведенные Тимер банком обстоятельства соответствовали действительности, технические внутрибанковские записи, проведенные 12.12.2016, не могли быть квалифицированы судами как действия общества по исполнению кредитных обязательств перед Тимер банком. В то же время, в результате банковских проводок, осуществленных в отношении двух клиентов Татфондбанка без использования его корреспондентского счета, произведена запись о пополнении корреспондентского счета Тимер банка. По сути, данные действия (при их акцепте Тимер банком) могли являться подтверждением того, что общество уступило, а Тимер банк – владелец корреспондентского счета – приобрел требование к Татфондбанку на зачисленную сумму. Учитывая, что в деле о банкротстве Татфондбанка имеется только абстрактная возможность полного удовлетворения требований кредиторов третьей очереди, нельзя утверждать, что Тимер банк получит полное удовлетворение требований по фактически осуществленной уступке. Поэтому судам, в ситуации акцепта Тимер банком действий по уступке, необходимо было определить реальную рыночную стоимость требования Тимер банка к Татфондбанку, возникшего в результате спорных операций, исходя из этого разрешить заявление Тимер банка, имея в виду вытекающую из пункта 3 статьи 423 Гражданского кодекса Российской Федерации обязанность Титмер банка по оплате обществу уступленного требования к Татфондбанку.

Оспаривание сделок должника.

Определение ВС РФ от 01.06.2020 г. № 307-ЭС19-26444 (1, 2)

Лицо, заявляющее виндикационный иск, доказывает недобросовестность приобретения имущества ответчиком. Для этого, в частности, необходимо доказать либо что приобретение

ответчиком имущества не являлось возмездным, либо осведомленность ответчика о том, что лицо, у которого он приобрел имущество, не имело право это имущество отчуждать.

О безвозмездности сделки может свидетельствовать тот факт, что покупателю фактически предоставлена отсрочка платежа (например, выдачей собственного векселя покупателя с датой погашения через несколько лет). В таком случае следует учесть, представлял ли действительную ценность и (или) был ли погашен вексель к тому моменту, когда конечный приобретатель наверняка должен был узнать о неправомерности отчуждения имущества должником.

О необходимости возникновения у конечного покупателя сомнений в отношении права продавца на имущество могут свидетельствовать: факт занижения стоимости имущества в договоре купли-продажи по сравнению с кадастровой стоимостью, наличие введенной в отношении должника процедуры банкротства, наличие на момент приобретения имущества удовлетворенных обеспечительных мер на спорные объекты, а также наличие возбужденного спора о признании сделки недействительной. Каждое из названных обстоятельств в отдельности может и не свидетельствовать об осведомленности конечного приобретателя об отсутствии у предшествующего прав на отчуждение имущества, однако их совокупность ставит добросовестность покупателя под сомнение. Исходя из этого бремя опровержения названных доводов переходит на ответчика, который должен подтвердить, что при совершении сделки он вел себя осмотрительно.

Конкурсный кредитор обратился в арбитражный суд с заявлением о признании недействительным соглашения об отступном от 06.03.2017, заключенного должником с обществом «Сервис Маркет», применении последствий недействительности сделки в виде возврата в конкурсную массу должника нежилого здания и земельного участка, а также обязания Башмакова И.В. возвратить спорное имущество во владение должника.

Судом апелляционной инстанции в пользу должника взыскано 12 504 000 руб.

Между банком и должником заключен кредитный договор от 07.09.2010, в обеспечение исполнения обязательств по которому должник передал банку по договору последующего залога нежилое здание и земельный участок.

Право требования к должнику в размере 3 000 000 руб. по указанному кредитному договору и права залогодержателя в результате цепочки сделок переданы обществу «Сервис Маркет».

06.03.2017 должник (залогодатель) и общество «Сервис Маркет» (залогодержатель) заключили соглашение об отступном, по условиям которого в связи с невозможностью исполнения обязательств, вытекающих из кредитного договора, залогодатель предоставляет залогодержателю земельный участок и нежилое здание; стоимость передаваемого имущества сторонами определена в размере 3 000 000 руб., что полностью покрывает все расходы залогодержателя.

09.11.2017 общество «Сервис Маркет» (продавец) и Башмаков И.В. (покупатель) заключили договор купли-продажи земельного участка и нежилого здания, цена которых определена сторонами в размере 8 160 000 руб.

Положения статей 301 и 302 ГК РФ регулируют вопросы истребования имущества из чужого незаконного владения, в том числе из владения добросовестного приобретателя.

По общему правилу истец, заявляющий виндикационный иск, доказывает недобросовестность приобретения имущества ответчиком (пункты 1 и 133 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – постановление № 25), пункты 37 и 38 постановления Пленума ВС РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав".

Для этого, в частности, необходимо доказать либо что приобретение ответчиком имущества не являлось возмездным, либо осведомленность ответчика о том, что лицо, у которого он приобрел имущество, не имело право это имущество отчуждать.

Проверяя возмездность получения имущества, судам необходимо было учесть следующее. Конкурсный управляющий и общество «Нефтесервис» ссылались на то, что в счет оплаты за спорное имущество по договору от 09.11.2017 Башмаков И.В. (конечный приобретатель) выдал обществу «Сервис Маркет» собственный вексель со сроком платежа не ранее 30.09.2019. Фактически это означало, что продавец предоставил Башмакову И.В. отсрочку платежа сроком практически на два года.

Судам надлежало выяснить, представлял ли действительную ценность и (или) был ли погашен вексель к тому моменту, когда Башмаков И.В. наверняка должен был узнать о неправомерности отчуждения (в частности, к моменту, когда он получил копию искового заявления по настоящему делу – пункт 4 информационного письма № 126). Однако данные обстоятельства, имеющие существенное значение для принятия решения по виндикационному требованию, судами не были исследованы.

Далее судам необходимо было дать оценку тому, должны ли сопутствующие приобретению имущества обстоятельства, на которые ссылались истцы, вызвать у приобретателя имущества сомнения в отношении права продавца (общества «Сервис Маркет») на его отчуждение (пункт 9 Информационного письма № 126). В частности, в подтверждение своих доводов конкурсный управляющий и общество «Нефтесервис» указывали на ряд фактов:

- приобретение Башмаковым И.В. имущества осуществлено после введения в отношении должника процедуры наблюдения (13.08.2017);

- на дату заключения сделки уже имелись поданные заявления о принятии обеспечительных мер в отношении спорного имущества (24.10.2017) и об оспаривании первой сделки от 06.03.2017 по отчуждению имущества должником в пользу общества «Сервис Маркет» (07.11.2017);

- после ознакомления с данными ЕГРН, а также с первичными документами, на которых продавец основывал свое право, Башмаков И.В. мог сделать вывод, что общество «Сервис Маркет» владело спорным имуществом полгода, приобрело его у должника по цене (3 000 000 руб.), которая почти в три раза ниже цены, установленной в договоре с Башмаковым И.В. и т.д.

Каждое из названных обстоятельств в отдельности может и не свидетельствовать об осведомленности конечного приобретателя об отсутствии у предшествующего прав на отчуждение имущества, однако их совокупность ставит добросовестность Башмакова И.В. под сомнение. Исходя из этого бремя опровержения названных доводов переходит на ответчика, который должен подтвердить, что при совершении сделки он вел себя осмотрительно.

Любой разумный участник гражданского оборота перед покупкой недвижимого имущества знакомится со всеми правоустанавливающими документами на недвижимость, выясняет основания возникновения у продавца недвижимого имущества права собственности на него, правомочия продавца на отчуждение помещения, а также реальную стоимость имущества.

Равным образом любой разумный продавец в условиях, когда продажа имущества предполагается с фактической отсрочкой оплаты, примет меры к выяснению финансового положения покупателя (применительно к настоящим правоотношениям проверит ликвидность полученного в счет оплаты векселя), а также приложит усилия для заключения обеспечительных сделок.

Без подобных проверок возникновение соответствующих обязательств возможно только при наличии доверительных отношений между продавцом и покупателем.

Определение ВС РФ от 04.06.2020 г. № 305-ЭС19-20282

При рассмотрении заявления о признании недействительной сделки должника судам надлежит исследовать все приведенные обстоятельства и сделать выводы по каждому из них. Если доводы относительно применения последствий недействительности сделки в виде возврата имущества в конкурсную массу суд не оценил, никаких выводов по ним не сделал и никак не мотивировал свою позицию в судебном определении, принятом по существу обособленного спора, такой судебный акт подлежит отмене.

По договору от 26.03.2016 Смаглий П.И. и Кузнецов Г.В. (займодавцы) передали в собственность Лысюка А.С. (заемщика) по 11 000 000 руб. для расчетов с кредиторами ОАО "Молоко". Лысюк А.С. обязался в срок до 01.06.2016 вернуть займодавцам предоставленные ему денежные средства.

В обеспечение возврата займа Лысюк А.С. (залогодатель) по договору от 05.05.2016 передал в залог Смаглию П.И. и Кузнецову Г.В. (залогодержателям) десять объектов недвижимости. По условиям договора в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения Лысюком А.С. обязательств по возврату займа залогодержатели имели право реализовать предмет залога во внесудебном порядке.

16.05.2016 залог прошел государственную регистрацию, а 17.05.2016 те же лица заключили соглашение о передаче Смаглию П.И. и Кузнецову Г.В. заложенного имущества, мотивировав его неисполнением Лысюком А.С. своих обязательств.

16.11.2016 в отношении Лысюка А.С. возбуждено дело о его банкротстве и 15.02.2017 он признан банкротом.

В суд поступило три заявления финансового управляющего должником и кредитора Кудрина М.А. о признании займа, залога и соглашения о передаче заложенного имущества недействительными сделками (заявления от 20.03.2017, от 30.01.2018 и от 11.09.2018).

Суды признали недействительным соглашение от 17.05.2016, применили последствия его недействительности путем взыскания со Смаглия П.И. и Кузнецова Г.В. в конкурсную массу должника по 2 200 000 руб. (20 процентов от стоимости залогового имущества). В удовлетворении требований о признании договоров займа и залога недействительными в силу ничтожности (притворности) отказано.

Согласно пункту 1 статьи 61.1 Закона о банкротстве сделки, совершенные должником, могут быть признаны недействительными в соответствии с ГК РФ, а также по основаниям и в порядке, которые указаны в Законе о банкротстве.

Право на оспаривание сделки должника лиц имеет конкурсный кредитор, имеющий существенный размер требований к должнику, то есть отвечающий условиям, указанным в пункте 2 статьи 61.9 Закона о банкротстве.

Из пунктов 1 и 2 статьи 61.8 Закона о банкротстве следует, что заявление об оспаривании сделки должника рассматривается в деле о его банкротстве в порядке, установленном Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации (далее - АПК РФ), с особенностями, предусмотренными Законом о банкротстве.

Согласно процессуальному закону защита нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц, осуществляющих экономическую деятельность, а также укрепление законности является задачами судопроизводства в арбитражных судах. При рассмотрении дел арбитражным судом законность обеспечивается правильным применением законов и иных нормативных правовых актов, а также соблюдением всеми судьями арбитражных судов правил, установленных законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах (пункт 4 статьи 2, статья 6 АПК РФ).

Процессуальный закон обязывает суд осуществлять руководство процессом, разъяснять участвующим в деле лицам их права и обязанности, предупреждать о последствиях совершения или несовершения ими процессуальных действий, оказывать содействие в реализации их прав, создавать условия для всестороннего и полного исследования доказательств, установления фактических обстоятельств и правильного применения законов и иных нормативных правовых актов при рассмотрении дела (пункт 3 статьи 9 АПК РФ).

Согласно пункту 2 статьи 65, пунктам 1 и 7 статьи 71 АПК РФ арбитражный суд на основании требований и возражений участвующих в деле лиц в соответствии с подлежащими применению нормами материального права определяет обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела; оценивает доказательства и отражает результаты оценки в судебном акте, содержащем мотивы принятия или отказа в принятии доказательств, представленных участвующими в деле лицами в обоснование своих требований и возражений.

Правила принятия и изложения судебного решения, указанные в статьях 168-170 АПК РФ, обязывают арбитражный суд помимо прочего оценить доказательства и доводы, приведенные участвующими в деле лицами; определить установленные и неустановленные обстоятельства, имеющие значение для дела, и изложить в решении мотивы его принятия. При этом в мотивировочной части решения должны быть указаны мотивы, по которым суд отверг те или иные доказательства, принял или отклонил приведенные в обоснование своих требований и возражений доводы лиц, участвующих в деле; мотивы, по которым суд не применил законы и иные нормативные правовые акты, на которые ссылались участвующие в деле лица. Резолютивная часть решения должна содержать выводы об удовлетворении или отказе в удовлетворении полностью или в части каждого из заявленных требований.

В заявлении от 30.01.2018 Кудрин М.А. оспорил договор залога от 05.05.2016, настаивая на наличии в этой сделке предусмотренных статьями 61.2 (пункт 2) и 61.3 Закона о банкротстве признаков подозрительной сделки и сделки с предпочтением. Так, в частности, по мнению Кудрина М.А., залог подпадал под шестимесячный период, предшествовавший возбуждению дела о банкротстве, и был направлен на обеспечение исполнения обязательства Лысюка А.С. перед займодавцами как отдельными кредиторами, возникшего до совершения залога. Кроме того, заявитель ссылался на наличие у должника на дату заключения договора залога обязательств перед иными кредиторами (в частности перед Кудриным М.А. на 7 405 000 руб.); на цель заключения договора залога – причинение вреда кредиторам должника путем изъятия

у Лысюка А.С., имевшего очевидные как для стороннего лица, так и для займодавцев признаки неплатежеспособности, единственного ликвидного имущества.

Суд первой инстанции эти доводы не оценил, никаких выводов по ним не сделал и никак не мотивировал свою позицию в судебном определении, принятом по существу обособленного спора. В то же время удовлетворение судом требований Кудрина М.А. могло бы в большей мере защитить его права, позволив наполнить конкурсную массу за счет реализации спорного имущества.

Кудрин М.А. последовательно указывал на эту судебную ошибку в судах апелляционной и кассационной инстанций, однако его доводы и там остались без судебной оценки.

Определение ВС РФ от 11.06.2020 г. № 305-ЭС19-18890(2)

Действия, направленные на установление сальдо взаимных предоставлений, не являются сделкой, которая может быть оспорена по правилам статьи 61.3 Закона о банкротстве в рамках дела о несостоятельности поставщика, так как в случае сальдирования отсутствует такой квалифицирующий признак, как получение покупателем какого-либо предпочтения – причитающуюся поставщику итоговую денежную сумму уменьшает он сам своим ненадлежащим исполнением основного обязательства, а не покупатель, констатировавший факт сальдирования.

Конкурсный управляющий торгового дома обратился в суд с заявлением о признании недействительным акта о зачете взаимных требований, а также о применении последствий недействительности этого акта.

Судами трех инстанций спорный акт признан недействительным, применены последствия его недействительности в виде восстановления положения, существовавшего до совершения зачета, в остальной части заявление управляющего признано необоснованным.

Между обществом (покупателем) и торговым домом (поставщиком) заключены три договора поставки.

Торговый дом и общество 01.06.2017 составили двусторонний документ, поименованный ими актом о зачете взаимных требований.

В данном акте стороны договоров поставки зафиксировали, что по состоянию на 31.05.2017: общество не оплатило поставленный ему товар, а торговый дом не поставил тот товар, который обществом предварительно был оплачен.

Полагая, что подписание акта от 01.06.2017 повлекло за собой предпочтительное удовлетворение требований общества по отношению к требованиям других кредиторов торгового дома, конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о признании этого акта недействительным.

В соответствии со статьями 506, 513, 516 и 518 ГК РФ обязательственное правоотношение по договору поставки состоит из двух основных встречных обязательств, определяющих тип этого договора: обязательства поставщика передать покупателю товар надлежащего качества в согласованном количестве и в оговоренный сторонами срок и обязательства покупателя уплатить обусловленную договором цену в порядке, предусмотренном сделкой (статья 328 ГК РФ).Из встречного характера указанных основных обязательств, положений пунктов 1 и 2 статьи 328, а также статьи 393 ГК РФ, согласно которым при неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства должник обязан возместить причиненные кредитору убытки, следует, что в случае ненадлежащего исполнения принятого поставщиком основного обязательства им не может быть получена та сумма, на которую он мог рассчитывать, если бы исполнил это обязательство должным образом.

В частности, неисправный поставщик не вправе требовать выплаты полной договорной цены в случае недопоставки. Отклонение поставщика от условий договора порождает необходимость перерасчета итогового платежа покупателя путем уменьшения цены договора на сумму убытков последнего, возникших вследствие недопоставки. Подобное сальдирование вытекает из существа отношений по поставке и происходит в силу встречного характера основных обязательств поставщика и покупателя.

Согласно сложившейся судебной арбитражной практике действия, направленные на установление указанного сальдо взаимных предоставлений, не являются сделкой, которая может быть оспорена по правилам статьи 61.3 Закона о банкротстве в рамках дела о несостоятельности поставщика, так как в случае сальдирования отсутствует такой квалифицирующий признак, как получение покупателем какого-либо предпочтения – причитающуюся поставщику итоговую денежную сумму уменьшает он сам своим ненадлежащим исполнением основного обязательства, а не покупатель, констатировавший факт сальдирования (определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской

Федерации от 29.01.2018 № 304-ЭС17-14946, от 29.08.2019 № 305-ЭС19-10075, от 02.09.2019 № 304-ЭС19-11744). Аналогичный вывод вытекает из смысла разъяснений, данных в абзаце четвертом пункта 13 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.07.2009 № 63 «О текущих платежах по денежным обязательствам в деле о банкротстве».

При рассмотрении спора общество неоднократно ссылалось на то, что в пунктах 1 и 2 акта от 01.06.2017 зафиксировано исключительно сложившееся состояние расчетов, а в пунктах 3 и 4 не производились зачет или сальдирование встречных завершающих обязательств по разным договорам поставки.

В части иных пунктов акта общество обращало внимание на то, что в договоре поставки 2005 года оно и торговый дом согласовали условие о том, что в случае неисправности поставщика покупатель вправе удержать сумму аванса из любого платежа по любому договору между поставщиком и покупателем. Общество полагало, что термин «удержание» использован в договоре поставки 2005 года в значении отличном от того, которое закреплено в статьях 359, 360 ГК РФ. Приведенное договорное условие, как считало общество, по сути, является соглашением, объединяющим расчеты по всем договорам поставки в единое целое и наделяющим покупателя правом отнести авансовый платеж по недопоставленному товару в рамках одного договора поставки к оплате фактически переданного ему товара по другому договору поставки, что не противоречит закону (статья 421 ГК РФ). В этой связи общество настаивало на том, что в данной части акт 5 от 01.06.2017 является не сделкой, которая направлена на прекращение взаимных, не связанных между собой обязательств, а обычной сверкой расчетов, не подлежащей оспариванию по правилам статьи 61.3 Закона о банкротстве.

Определение ВС РФ от 19.06.2020 г. № 301-ЭС17-19678

При отчуждении имущества должника в преддверии его банкротства и последующем оформлении передачи права собственности от первого приобретателя к иным лицам по цепочке сделок следует различать две ситуации.

Во-первых, возможна ситуация, когда волеизъявление первого приобретателя отчужденного должником имущества соответствует его воле: этот приобретатель вступил в реальные договорные отношения с должником и действительно желал создать правовые последствия в виде перехода к нему права собственности. В таком случае при отчуждении им спорного имущества на основании последующих сделок права должника (его кредиторов) подлежат защите путем предъявления заявления об оспаривании первой сделки по правилам статьи 61.8 Закона о банкротстве к первому приобретателю и виндикационного иска по правилам статей 301 и 302 ГК РФ к последнему приобретателю, а не с использованием правового механизма, установленного статьей 167 ГК РФ. При этом требование о виндикации при подсудности виндикационного иска тому же суду, который рассматривает дело о банкротстве, может быть разрешено в деле о банкротстве, в иных случаях – вне рамок дела о банкротстве с соблюдением общих правил о подсудности.

Во-вторых, возможна ситуация, когда первый приобретатель, формально выражая волю на получение права собственности на имущество должника путем подписания договора об отчуждении, не намеревается породить отраженные в этом договоре правовые последствия. Например, личность первого, а зачастую, и последующих приобретателей может использоваться в качестве инструмента для вывода активов (сокрытия принадлежащего должнику имущества от обращения на него взыскания по требованиям кредиторов), создания лишь видимости широкого вовлечения имущества должника в гражданский оборот, иллюзии последовательно перехода права собственности на него от одного собственника другому (оформляются притворные сделки), а в действительности совершается одна единственная (прикрываемая) сделка – сделка по передаче права собственности от должника к бенефициару указанной сделки по выводу активов: лицу, числящемуся конечным приобретателем, либо вообще не названному в формально составленных договорах. Имущество после отчуждения его должником все время находится под контролем этого бенефициара.

Существенное значение для правильного рассмотрения обособленного спора имеют обстоятельства, касающиеся перехода фактического контроля над имуществом, реальности передачи прав на него по последовательным сделкам – в зависимости от изучения данных обстоятельств должен быть применен один из вышеуказанных процессуальных механизмом оспаривания сделок.

Вопрос о применении в отношении первого приобретателя последствий недействительности сделки в виде взыскания с него стоимости отчужденного имущества, а также вопрос о привлечении

его к деликтной ответственности не могут быть разрешены до установления того, являлись ли эти договоры притворными, подписывались ли они самим первым приобретателем, был ли он стороной совершенных в действительности (прикрываемых) сделок.

Конкурсный управляющий должника обратился в суд с заявлением о признании недействительными договоров купли-продажи недвижимости, заключенных должником (продавцом) и Хуртиным О.И. (покупателем): об отчуждении нежилого трехэтажного здания; об отчуждении земельного участка.

Суд округа применил последствия недействительности этих сделок, взыскав с Хуртина О.И. в пользу должника 124 786 397 рублей.

Заявление о признании должника банкротом поступило в суд 13.07.2015 и определением от 17.07.2015 оставлено без движения.

Сразу после этого Хуртин О.И. продал указанное имущество обществу «МВС Груп». Цена договора составила 124 825 000 рублей. Данный договор также предусматривал условие об отсрочке платежа и невозникновении права залога у продавца в силу закона.

Заявление о банкротстве должника принято к производству определением суда от 30.07.2015, этим же определением возбуждено дело о несостоятельности. Определением от 02.09.2015 в отношении должника введена процедура наблюдения.

В декабре 2015 года отчужденные должником здания и земельные участки преобразованы.

Так, здания поделены на помещения, земельный участок – на меньшие участки, и образовавшиеся объекты отчуждены по цепочке сделок ряду лиц.

Как разъяснено в абзаце третьем пункта 86, абзаце первом пункта 87, абзаце первом пункта 88 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», притворная сделка может прикрывать сделку с иным субъектным составом; для прикрытия сделки может быть совершено несколько сделок; само по себе осуществление государственной регистрации перехода права собственности на недвижимое имущество к промежуточным покупателям не препятствует квалификации данных сделок как ничтожных на основании пункта 2 статьи 170 Гражданского кодекса.

При этом наличие доверительных отношений между формальными участниками притворных сделок позволяет отсрочить юридическое закрепление прав на имущество в государственном реестре, объясняет разрыв во времени между притворными сделками и поэтому само по себе не может рассматриваться как обстоятельство, исключающее ничтожность сделок.

Таким образом, цепочкой последовательных сделок купли-продажи с разным субъектным составом может прикрываться одна сделка, направленная на прямое отчуждение должником своего имущества в пользу бенефициара. Такая прикрываемая сделка может быть признана недействительной как подозрительная на основании статьи 61.2 Закона о банкротстве.

Поскольку бенефициар является стороной прикрываемой (единственно реально совершенной) сделки, по которой имущество выбывает из владения должника, право кредиторов требовать возврата имущества в конкурсную массу подлежат защите с использованием правового механизма, установленного статьей 167 ГК РФ, а не путем удовлетворения виндикационного иска. Споры о признании недействительными сделок, совершенных несостоятельными должниками в преддверии банкротства, и о применении последствий их недействительности отнесены к компетенции арбитражных судов, рассматривающих дела о банкротстве (пункт 1 статьи 61.8 Закона о банкротстве).

Следовательно, существенное значение для правильного рассмотрения настоящего обособленного спора имели обстоятельства, касающиеся перехода фактического контроля над имуществом, реальности передачи прав на него по последовательным сделкам.

Конкурсный управляющий при рассмотрении спора судом апелляционной инстанции по правилам судопроизводства в суде первой инстанции ссылался на то, что в рассматриваемом случае реально была совершена лишь одна сделка – сделка по безвозмездному выводу активов должника в пользу бенефициаров – лиц, связанных с должником и одним из конечных покупателей, представлял доказательства, которые, по его мнению, этот довод подтверждают. В представленных в суд апелляционной инстанции объяснениях Хуртин О.И. (пасынок конечного покупателя) ссылался на то, что никогда не имел намерения приобретать какое-либо имущество должника и не мог это сделать исходя из своего финансового положения (его заработная плата составляла около 17 000 рублей в месяц, на его иждивении находятся два малолетних ребенка 2016 года рождения), имущество было выведено из числа активов должника группой лиц во главе с

Горшковым А.Ю., Хуртин О.И. к этим действиям не причастен, Горшков А.Ю. обладал образцами его подписей и паспортными данными.

Учитывая изложенное и объективную сложность получения управляющим отсутствующих у него прямых доказательств притворности, должна приниматься во внимание совокупность согласующихся между собой косвенных доказательств. Если заинтересованные лица привели достаточно серьезные доводы и представили существенные косвенные свидетельства, которые во взаимосвязи позволяют признать убедительными их аргументы о совершении лишь одной прикрываемой сделки по прямому отчуждению должником своего имущества бенефициару, в силу статьи 65 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации бремя доказывания обратного переходит на стороны цепочки последовательных договоров купли-продажи, ссылающихся на самостоятельный характер отношений по каждой из сделок.

В ситуации неправомерного завладения чужим имуществом по недействительной прикрываемой сделке с использованием ничтожных притворных сделок купли-продажи, у стороны, утратившей имущество, возникает реституционное требование к другой стороне прикрываемой сделки – бенефициару (статья 167 ГК РФ). Однако это не является препятствием для признания за потерпевшим права требовать возмещения имущественного вреда, возникшего вследствие противоправного вывода активов, от лиц, участвующих в заведомо незаконной схеме, в результате умышленных противоправных действий которых был утрачен контроль над имуществом (чьи действия были направлены на умышленное создание необходимых объективных условий для совершения недействительной прикрываемой сделки) – статья 1064 ГК РФ. Хотя основания этих требований различны, они преследуют единую цель – возместить в полном объеме (статья 15 ГК РФ) убытки продавца, поэтому обязательства приобретателя (бенефициара – стороны недействительной прикрываемой сделки) и причинителя вреда (лица, участвующего в выводе активов через подписание притворных договоров) являются солидарными (статья 1080 ГК РФ), что также позволяет исключить возникновение неосновательного обогащения на стороне пострадавшего.

В настоящее время судебная коллегия не может согласиться с выводом суда округа о применении последствий недействительности договоров от 18.03.2015 и от 01.06.2015 в отношении Хуртина О.И. (первого приобретателя) в виде взыскания с него стоимости отчужденного имущества. До установления того, являлись ли эти договоры притворными, подписывались ли они Хуртиным О.И., был ли он стороной совершенных в действительности (прикрываемых) сделок, не могли быть разрешены как вопрос о применении в отношении Хуртина О.И. последствий недействительности договоров от 18.03.2015 и от 01.06.2015, так и вопрос о привлечении его к деликтной ответственности.

Субсидиарная ответственность.

Определение ВС РФ от 22.06.2020 г. № 307-ЭС19-18723(2, 3)

Члены совета директоров часто имеют возможность оказывать существенное влияние на деятельность должника. Доказательства обратного должны представить указанные лица.

Отчуждение третьему лицу реальной ко взысканию дебиторской задолженности должника в качестве оплаты вступления должника в состав участников такого третьего лица необходимо признать убыточной для должника сделкой, совершенной в отсутствие равноценного встречного предоставления в случае, если рыночная стоимость доли участия в уставном капитале третьего лица меньше уступленного права требования. При этом оценка доли должна проводиться по состоянию на момент совершения рассматриваемой сделки.

Совершение контролирующим лицом убыточной сделки, повлекшей нарушение имущественных прав кредиторов, предполагает наличие причинно-следственной связи между поведением контролирующего лица и невозможностью погашения требований кредиторов (пункт 4 статьи 10 Закона о банкротстве (в настоящее время – подпункт 1 пункта 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве).

Одобрение одним из членов совета директоров (либо иного коллегиального органа) убыточной сделки само по себе не является достаточным для констатации его вины в невозможности погашения требований кредиторов и привлечения его к субсидиарной ответственности. К ответственности подлежит привлечению то лицо, которое инициировало совершение подобной сделки и (или) получило (потенциальную) выгоду от ее совершения. В связи с этим надлежит определить степень вовлеченности каждого из ответчиков в процесс вывода спорного актива должника и их осведомленности о причинении данными действиями значительного вреда его кредиторам.

Конкурсный кредитор обратился с заявлением о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности.

Судами трех инстанций в удовлетворении ходатайства и заявления отказано.

Советом директоров общества (впоследствии должника) в составе привлекаемых к ответственности лиц 20.07.2016 приняты решения об обращении в адрес компании с заявлением о принятии общества в состав участников компании с предполагаемым размером доли 57,0705% и одобрении крупной сделки по внесению в уставный капитал компании вклада в виде прав требования по обязательствам, вытекающим из договоров, заключенных с предприятием и обществом «ИТБ». По акту приема-передачи от 20.07.2016 должник передал компании права требования на общую сумму 867 979 883,88 руб. к предприятию и обществу «ИТБ», стоимость переданных прав определена в размере 610 568 194 руб. В результате совершенной сделки должник получил долю в уставном капитале компании в размере 57,0717%.

При установлении того, повлекло ли поведение ответчиков банкротство должника, необходимо принимать во внимание следующее:

1) наличие у ответчика возможности оказывать существенное влияние на деятельность должника (что, например, исключает из круга потенциальных ответчиков рядовых сотрудников, менеджмент среднего звена, миноритарных акционеров и т.д., при условии, что формальный статус этих лиц соответствует их роли и выполняемым функциям);

2) реализация ответчиком соответствующих полномочий привела (ведет) к негативным для должника и его кредиторов последствиям; масштаб негативных последствий соотносится с масштабами деятельности должника, то есть способен кардинально изменить структуру его имущества в качественно иное – банкротное – состояние (однако не могут быть признаны в качестве оснований для субсидиарной ответственности действия по совершению, хоть и не выгодных, но несущественных по своим размерам и последствиям для должника сделки);

3) ответчик является инициатором такого поведения и (или) потенциальным выгодоприобретателем возникших в связи с этим негативных последствий (далее – критерии; пункты 3, 16, 21, 23 постановления № 53).

Применительно к критерию № 1 необходимо отметить, что ответчики в рамках настоящего обособленного спора являлись бывшими членами совета директоров, то есть в силу имевшегося у них статуса имели возможность оказывать существенное влияние на деятельность должника. Доказательств обратного не представлено.

Определению наличия критерия № 2 способствуют закрепленные в Законе о банкротстве презумпции существования причинно-следственной связи между поведением контролирующего лица и невозможностью погашения требований кредиторов. Одной из таких презумпций является совершение контролирующим лицом существенно убыточной сделки, повлекшей нарушение имущественных прав кредиторов (пункт 4 статьи 10 Закона о банкротстве (в настоящее время – подпункт 1 пункта 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве).

Настаивая на привлечении ответчиков к субсидиарной ответственности, предприятие указывало, что они одобрили сделку по внесению вклада в уставный капитал компании, ссылалось на наличие в этой сделке предусмотренных пунктом 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве признаков подозрительной (неравноценной) сделки. В частности, обращало внимание на имеющийся в материалах дела отчет об оценке, согласно которому рыночная стоимость доли в уставном капитале компании в размере 57,0717% составляет 367 000 000 руб.; в результате совершения данной сделки должник утратил возможность истребования реальной ко взысканию дебиторской задолженности и удовлетворения за ее счет требований кредиторов должника с учетом финансового состояния предприятия, размера и ликвидности его активов, не получив при этом взамен равноценного встречного предоставления. По мнению предприятия, действия ответчиков по совершению этой сделки явились причиной банкротства должника.

Указанные доводы предприятия соответствовали условиям вышеупомянутой презумпции и бремя их опровержения в силу статьи 65 АПК РФ должно было перейти на ответчиков, что не учтено судами при рассмотрении спора.

При этом, сославшись на представленный конкурсным управляющим отчет об оценке рыночной стоимости доли в уставном капитале компании, суды не приняли во внимание, что указанная в нем стоимость определена по состоянию на 30.08.2017, в то время как равноценность спорной сделки необходимо проверять на момент ее совершения (20.07.2016).

Относительно критерия № 3 судам необходимо было учесть следующее. Ответчики являлись членами совета директоров должника. Статус члена совета директоров для целей привлечения лица к субсидиарной ответственности предполагает наличие возможности оказывать существенное влияние на деятельность должника. В то же время одобрение одним из членов совета директоров (либо иного коллегиального органа) существенно убыточной сделки само по себе не является достаточным для констатации его вины в невозможности погашения требований кредиторов и привлечения его к субсидиарной ответственности. К ответственности подлежит привлечению то лицо, которое инициировало совершение подобной сделки (по смыслу абзаца третьего пункта 16 постановления № 53) и (или) получило (потенциальную) выгоду от ее совершения. В связи с этим надлежало также определить степень вовлеченности каждого из ответчиков в процесс вывода спорного актива должника и их осведомленности о причинении данными действиями значительного вреда его кредиторам, что судами не сделано.

Залог и поручительство при банкротстве.

Определение ВС РФ от 21.05.2020 № № 305-ЭС18-15073 (4)

В ситуации, когда единым лотом продается залоговое и незалоговое имущество, в целях правильного распределения вырученных средств между кредиторами для начала необходимо определить состав заложенного имущества, а затем стоимостную долю, которую это имущество составляет в общей цене и соответственно в объеме вырученных средств.

При определении доли залогового кредитора в общем объеме выручки от реализации единым лотом имущества должника, в состав которой были включены права требования по договору лизинга, во избежание ситуации, при которой дважды будет учтена цена переданного в лизинг имущества, необходимо установить, являлся ли лизинг выкупным, была ли учтена при определении стоимости прав требований по договору в расчет выкупная стоимость. В случае, если кредиторами приведены доводы в пользу того, что лизинг являлся выкупным, при реализации имущества по такому договору могла сложиться ситуация, в которой стоимость как залогового, так и незалогового имущества могла быть ошибочно учтена более одного раза.

В рамках дела о банкротстве должника компания обратилась с заявлением о разрешении разногласий между ней и конкурсным управляющим о порядке распределения выручки от реализации имущества должника.

В 2018 году должником выставлено на торги и реализовано одним лотом следующее имущество: - права требования должника как лизингодателя по договору финансовой аренды (лизинга) от 11.12.2012, заключенному с обществом с ограниченной ответственностью "СпецТрансСервис" (начальная продажная цена 370 184 421 руб.), предметом лизинга являлись 160 вагонов должника; - переданные в лизинг по названному договору 80 вагонов, обремененных залогом в пользу акционерного общества "БМ-Банк" (начальная продажная цена 153 289 000 руб.); - переданные в лизинг по названному договору 80 вагонов, не обремененных залогом (начальная продажная цена 153 289 000 руб.).

Конкурсный управляющий полагал, что 77,3 % от оставшейся после оплаты услуг организатора торгов (8 521 751 руб.) выручки подлежат распределению в пользу залогового кредитора, поскольку как права требования по лизингу, так и 80 вагонов находятся в залоге у АО "БМ-Банк". Соответствующая доля была исчислена конкурсным управляющим в результате деления суммы стоимости заложенных вагонов и прав требования на общую стоимость лота.

В то же время компания полагала, что лизинг являлся выкупным и при определении стоимости прав требований по договору в расчет уже была включена выкупная стоимость, в связи с чем при определении доли залогового кредитора стоимость вагонов не должна учитываться дважды. Компания предлагала из стоимости прав требований вычесть стоимость вагонов (370 184 421 - (153 289 000 + 153 734 000) = 63 161 421) и определять долю залогового кредитора как сумму стоимостей прав требований (без учета выкупной стоимости) и обремененных вагонов, поделенную на общую стоимость лота без двойного учета стоимости вагонов, в результате чего доля залогового кредитора должна была составить 58,47 %.

В ситуации, когда единым лотом продается залоговое и незалоговое имущество, в целях правильного распределения вырученных средств между кредиторами для начала необходимо определить состав заложенного имущества, а затем стоимостную долю, которую это имущество составляет в общей цене и соответственно в объеме вырученных средств.

В настоящем обособленном споре суды исходили из того, что лизинг, в который были переданы все 160 вагонов, не являлся выкупным.

По смыслу разъяснений пункта 1 постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 17 "Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга" если договор лизинга содержит условие о переходе права собственности на предмет лизинга к лизингополучателю при внесении им всех лизинговых платежей, включая выкупную цену, то такой лизинг является выкупным.

При рассмотрении спора компания и общество "ЗапСиб-Транссервис" ссылались на то, что по условиям договора лизинга (пункты 9.1-9.3) после уплаты лизинговых периодических платежей стороны обязаны заключить договор купли-продажи имущества по выкупной стоимости 246 934 000,20 руб. Они также указывали, что рыночная стоимость предмета лизинга значительно превышала названную выкупную цену, из чего следует вывод, что лизинговые платежи частично содержали в себе и плату за право собственности на спорные вагоны.

Кроме того, названные выше кредиторы приводили довод о том, что эксперт, определяя стоимость договорной позиции должника как лизингодателя (как указали суды – "стоимость прав требований по договору лизинга"), учитывал при расчете этой стоимости как лизинговые, так и выкупные платежи.

Если названные доводы соответствовали действительности, то при определении пропорции распределения выручки стоимость как залоговых, так и незалоговых вагонов могла быть ошибочно учтена более одного раза.

Как указывал банк, по договору залога от 14.02.2013 были переданы в качестве обеспечения имущественные права требования лизинговых платежей на общую сумму 402 987 550 руб. независимо от обременения залогом самих вагонов.

В то же время компания и общество "ЗапСиб-Транссервис" указывали, что передача в залог первой партии вагонов и прав требования по договору лизинга состоялось до приобретения и передачи в лизинг второй партии вагонов, в связи с чем банк априори не должен был рассчитывать на возможность получения удовлетворения от незалоговых вагонов и прав на получение лизинговых платежей за них. При этом сумма лизинговых платежей 402 987 550 руб. – есть общая сумма платежей за первую партию.

Наличие соответствующих противоречий подлежало устранению исходя из правил статьи 431 ГК РФ путем толкования условий договора залога, а при невозможности определить содержание договора таким образом – путем выяснения действительной воли сторон с учетом всех сопутствующих их отношениям обстоятельств.

До тех пор, пока соответствующие противоречия не устранены, определение доли залогового кредитора в общем объеме выручки не представляется возможным, в связи с чем не могут быть и разрешены разногласия между компанией и конкурсным управляющим должником.

Определение ВС РФ от 21.05.2020 № 307-ЭС19-25735

Правила распределения денежных средств, вырученных от продажи заложенного имущества при несостоятельности физического лица-залогодателя, изложены в пункте 5 статьи 213.27 Закона о банкротстве, согласно которому восемьдесят процентов, вырученных от продажи заложенного имущества средств, подлежат направлению залоговому кредитору.

В силу абзаца третьего приведенного пункта десять процентов от вырученных средств направляются на погашение требований кредиторов должника первой и второй очереди в случае недостаточности иного имущества гражданина для погашения указанных требований.

При отсутствии кредиторов первой и второй очереди (или при достаточности иного имущества для расчетов с ними) и при условии, что первоначальные восемьдесят процентов не покрыли полностью обеспеченное залогом требование, указанные десять процентов по смыслу абзацев пятого и шестого пункта 5 статьи 213.27 Закона о банкротстве направляются на расчеты с залоговым кредитором.

Аналогичная правовая позиция изложена в определениях Верховного Суда Российской от 24.12.2018 № 304-ЭС18-13615 и 305-ЭС18-15086(1,2).

В рамках дела о банкротстве Иванова Александра Борисовича банк и акционерное общество обратились в суд с заявлениями о разрешении разногласий относительно порядка распределения финансовым управляющим денежных средств, полученных от реализации заложенного имущества. В удовлетворении заявлений отказано.

В ходе процедуры банкротства должника финансовым управляющим организованы и проведены торги по продаже имущества (торгово-промышленного комплекса с правом аренды земельного участка), находящегося в залоге у правопредшественника банка. Стоимость реализованного имущества составила 160 000 000 руб.

Денежные средства, вырученные от реализации предмета залога, распределены конкурсным управляющим в следующем в порядке: 128 000 000 руб. (восемьдесят процентов) направлены на погашение требований залогового кредитора; 16 000 000 руб. (десять процентов) переведены на расчетный счет должника; за счет иных десяти процентов погашены текущие расходы и частично залоговые требования, а также зарезервированы денежные средства для выплаты вознаграждения финансового управляющего.

В связи с наличием между финансовым управляющим и банком разногласий относительно порядка распределения денежных средств, последний обратился в арбитражный суд с настоящим заявлением, указывая, что ввиду отсутствия у должника кредиторов первой и второй очереди десять процентов суммы, вырученной от реализации предмета залога (16 000 000 руб.), подлежали направлению на погашение требований банка, не получившего полного удовлетворения своих требований из стоимости предмета залога.

Правила распределения денежных средств, вырученных от продажи заложенного имущества при несостоятельности физического лица-залогодателя, изложены в пункте 5 статьи 213.27 Закона о банкротстве, согласно которому восемьдесят процентов, вырученных от продажи заложенного имущества средств, подлежат направлению залоговому кредитору.

В силу абзаца третьего приведенного пункта десять процентов от вырученных средств направляются на погашение требований кредиторов должника первой и второй очереди в случае недостаточности иного имущества гражданина для погашения указанных требований.

При отсутствии кредиторов первой и второй очереди (или при достаточности иного имущества для расчетов с ними) и при условии, что первоначальные восемьдесят процентов не покрыли полностью обеспеченное залогом требование, указанные десять процентов по смыслу абзацев пятого и шестого пункта 5 статьи 213.27 Закона о банкротстве направляются на расчеты с залоговым кредитором.

Аналогичная правовая позиция изложена в определениях Верховного Суда Российской от 24.12.2018 № 304-ЭС18-13615 и 305-ЭС18-15086(1,2).

Судами установлено отсутствие у должника кредиторов первой и второй очереди.

Таким образом, денежные средства в размере 16 000 000 руб. должны быть направлены на погашение требования залогового кредитора – банка.

Определение ВС РФ от 28.05.2020 № 303-ЭС18-7751 (4)

Само по себе заключение должником договора субподряда в целях исполнения обязательств подрядчика по контракту, имущественные права по которому заложены банку, не влечет автоматическое включение прав из договора субподряда в предмет залоговых обязательств по договору о залоге.

В таком случае при распределении конкурсной массы режим залога не распространяется в пользу банка по требованиям к субподрядчику.

27.08.2014 между муниципальным казённым учреждением (заказчиком) и должником (подрядчиком) заключен муниципальный контракт на выполнение работ по строительству "под ключ" объекта.

11.11.2014 в рамках и во исполнение подрядчиком своих обязательств по муниципальному контракту между должником и обществом (субподрядчиком) заключен договор.

30.12.2014 между должником (заёмщиком) и банком подписан кредитный договор, по которому должник получил от банка денежные средства на финансирование своих затрат по муниципальному контракту.

Исполнение обязательств заёмщика перед банком обеспечено договором о последующем залоге имущественных прав (прав по контракту) от 30.12.2014. По договору залога банку как залогодержателю были переданы следующие имущественные права (требования), которые возникли и возникнут у залогодателя (должника) по муниципальному контракту: права на получение оплаты (в том числе авансовые платежи) за выполнение работ по реконструкции и строительству распределительных электрических сетей муниципальных образований, на получение неустойки за просрочку оплаты, на получение компенсации расходов на оплату услуг охраны строительной площадки, иных платежей, которые могут возникнуть у залогодателя по муниципальному контракту.

29.06.2015 в отношении должника введена процедура наблюдения, а 18.05.2017 должник признан несостоятельным (банкротом), в отношении него открыто конкурсное производство.

14.10.2015 признаны обоснованными и включены в реестр требований кредиторов должника требования банка, как обеспеченные залогом имущественных прав по муниципальному контракту.

На основании вступивших в законную силу решений арбитражных судов общество является кредитором должника по текущим платежам на сумму более 100 миллионов рублей.

Решением от 25.12.2018 удовлетворён иск должника о взыскании с субподрядчика неотработанного аванса по договору субподряда, в связи с чем между залоговым кредитором и конкурсным управляющим возникли разногласия о порядке распределения денежных средств, поступивших в конкурсную массу должника.

В соответствии с положениями пункта 1 статьи 358.3 ГК РФ, существенным условием договора залога права (наряду с предусмотренными статьей 339 ГК РФ) является указание на обязательство, из которого вытекает закладываемое право, сведения о должнике залогодателя и сторона договора залога, у которой находятся подлинники документов, удостоверяющих закладываемое право.

Исходя из положений пункта 2 статьи 339 и пункта 2 статьи 358.3 ГК РФ предмет залога, в том числе и сведения об обязательстве, из которого вытекает закладываемое право, могут быть описаны любым общим способом с использованием данных, позволяющих идентифицировать предмета залога на момент обращения взыскания, индивидуализировать закладываемые права и определить лиц, которые являются или на момент обращения взыскания на предмет залога будут являться должниками по этим правам.

Само по себе заключение договора субподряда в целях исполнения обязательств подрядчика по муниципальному контракту, имущественные права по которому заложены банку, не влечёт автоматическое включение прав из договора субподряда в предмет залоговых обязательств по договору о залоге.

Таким образом, вывод суда округа о распространении режима залога в пользу банка на поступившие должнику денежные средства является несостоятельным.

Определение ВС РФ от 04.06.2020 г. № 305-ЭС18-14805

У кредитора не возникает залога в силу закона на долю в праве общей долевой собственности в случае, если такой кредитор являлся инвестором должника-застройщика по строительству здания, потому как залог в силу закона, согласно ст.ст. 64.2 и 69.1 Закона об ипотеке, возникает у кредитора, предоставившего целевой заем на приобретение или строительство объекта недвижимого имущества. В соответствии со ст. 64.2 указанного Закона по аналогичным основаниям возникает залог в отношении земельного участка, на котором с использованием средств целевого займа приобретено, построено или строится здание или сооружение. Залогодержателем является лицо, предоставившее целевой заем на строительство либо приобретение здания или сооружения.

При этом в соответствии с разъяснениями, данными в пункте 4 постановления Пленума ВАС РФ от 11.07.2011 № 54 "О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем" судам рекомендовано при рассмотрении споров, вытекающих из договоров, связанных с инвестиционной деятельностью в сфере финансирования строительства объектов недвижимости, устанавливать правовую природу соответствующих договоров. Если не установлено иное, судам надлежит квалифицировать такие договоры как договоры купли-продажи будущей недвижимой вещи.

Для разрешения подобного спора имеет правовое значение основание передачи застройщику денежных средств. Залог возникает не при любом финансировании строительства, а только в случае заемных правоотношений. Оснований для расширительного толкования статей 64.2 и 69.1 Закона об ипотеке не усматривается.

Таким образом, кредитор-инвестор не заключает с должником договор целевого займа, у должника отсутствует обязанность по истечении периода времени возвратить денежные средства, но наличествует обязанность передать построенные помещения в собственность инвестора.

Так как такой договор не является договором займа, то и в соответствии со статьями 64.2, 69.1 Закона об ипотеке у такого инвестора не возникает залога в силу закона на строящиеся объекты, в связи с чем в удовлетворении заявления такого инвестора о признании его требований, включенных в реестр, обеспеченными залогом, должно быть отказано.

По условиям договоров от 07.07.2014 институт как застройщик принял на себя обязательства построить и ввести в эксплуатацию корпуса офисно-административного комплекса и по окончании строительства передать обществу "МДК" оговоренные в договорах помещения в этом комплексе. Общество "МДК" как инвестор обязалось в установленный срок перечислить застройщику денежные средства (инвестиционный взнос) для осуществления проектных и строительных работ.

Общество "МДК" свои обязательства исполнило, использовав помимо прочего заемные средства, предоставленные ему банками.

В связи с неисполнением институтом своих обязательств и его банкротством арбитражный суд 12.02.2018 включил требование общества "МДК" в размере 2 918 915 288,88 руб. основного долга в третью очередь реестра требований кредиторов института, квалифицировав правоотношения сторон как вытекающие из договоров купли-продажи будущей недвижимой вещи, во исполнение которых должнику перечислен инвестиционный взнос в качестве аванса.

Впоследствии общество "МДК" в лице его конкурсного управляющего потребовало в отношении ранее включенных в реестр требований признать за ним статус залогового кредитора на имущество должника: 121542/172783 доли в праве общей долевой собственности на корпус А.

Судом округа требования общества "МДК" признаны обеспеченными залогом имущества должника.

Установление залогового статуса кредитора осуществляется в том же порядке, что и установление его требований по предусмотренным статьей 100 Закона о банкротстве правилам: кредитор должен представить в арбитражный суд документы, подтверждающие обоснованность своих требований, а арбитражный суд – проверить обоснованность этих требований по правилам оценки доказательств, установленным процессуальным законом, с учетом разъяснений, данных в пункте 26 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 "О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве".

Из статей 329, 334, 335 ГК РФ следует, что исполнение обязательств может обеспечиваться залогом, в силу которого по общему правилу залогодержатель имеет право в случае неисполнения должником этого обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами должника. Залог помимо прочего может возникнуть на основании закона.

Согласно статье 69.1 Закона об ипотеке по общему правилу залог в силу закона возникает у кредитора, предоставившего целевой заем на приобретение или строительство здания или сооружения с земельным участком, на котором они расположены, нежилого помещения. В соответствии со статьей 64.2 того же Закона по аналогичным основаниям возникает залог в отношении земельного участка, на котором с использованием средств целевого займа приобретено, построено или строится здание или сооружение. Залогодержателем является лицо, предоставившее целевой заем на строительство либо приобретение здания или сооружения.

По договору займа, предоставляемого в деньгах, займодавец передает или обязуется передать в собственность заемщику деньги, а заемщик обязуется возвратить займодавцу такую же сумму денег и уплатить проценты за пользование займом (пункт 1 статьи 807, пункт 1 статьи 809 ГК РФ).

Понятие целевого займа раскрывается в статье 814 ГК РФ, из которой следует, что это заем, выданный на определенные цели, которые заемщик обязан соблюдать, а займодавец вправе контролировать целевое использование займа и в случае нецелевого расходования заемных средств вправе потребовать от заемщика досрочного возврата суммы займа и уплаты причитающихся процентов.

В соответствии с разъяснениями, данными в пункте 4 постановления Пленума ВАС РФ от 11.07.2011 № 54 "О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем", судам рекомендовано при рассмотрении споров, вытекающих из договоров, связанных с инвестиционной деятельностью в сфере финансирования строительства объектов недвижимости, устанавливать правовую природу соответствующих договоров. Если не установлено иное, судам надлежит оценивать такие договоры как договоры купли-продажи будущей недвижимой вещи.

В силу статьей 549, 555 ГК РФ по договору купли-продажи недвижимости продавец обязуется передать в собственность покупателя земельный участок, здание, сооружение, квартиру или другое недвижимое имущество, а покупатель - принять это имущество и уплатить за него определенную в договоре денежную сумму (цену).

Условиями договоров от 07.07.2014 не предусматривался возврат институтом обществу "МДК" денежных средств. Стороны однозначно установили, что в обмен на предоставленные обществом "МДК" денежные средства институт впоследствии передаст обществу "МДК" в собственность недвижимое имущество. В связи с этим у окружного суда не было оснований для квалификации этих правоотношений

иначе как договор купли-продажи будущей недвижимой вещи. При этом использование обществом "МДК" заемных средств для покупки недвижимости не являлось основанием для вывода о том, что оно находилось с застройщиком в заемных правоотношениях.

Поскольку диспозиция статьей 64.2 и 69.1 Закона об ипотеке предусматривает обязательный признак - наличие целевых заемных отношений между застройщиком в качестве заемщика и займодавцем, а общество "МДК" и институт в таких отношениях не находились, окружной суд неправильно применил указанные правовые нормы и, как следствие, неправильно пришел к выводу о возникновении у общества "МДК" залога на долю в праве общей долевой собственности.

Вопреки доводам общества "МДК", для разрешения данного спора имеет правовое значение основание передачи застройщику денежных средств. Залог возникает не при любом финансировании строительства, а только в случае заемных правоотношений. Оснований для расширительного толкования статей 64.2 и 69.1 Закона об ипотеке не усматривается.

Определение ВС РФ от 08.06.2020 г. № 307-ЭС16-7958

Обеспечительная сделка, в которой обязанное лицо не является должником кредитора, как правило, формально не имеет равнозначного встречного предоставления. Однако в предпринимательской деятельности в большинстве случаев только по данному факту нельзя судить об отсутствии в действиях поручителя (залогодателя) экономической целесообразности и имущественного интереса. Мотив совершения обеспечительных сделок следует искать в наличии корпоративных либо иных связей между поручителем (залогодателем) и должником, объясняющих их общий экономический интерес (например, основное и дочернее общества, преобладающее и зависимое общества, общества, взаимно участвующие в капиталах друг друга, лица, совместно действующие на основе договора простого товарищества либо без такового).

Предполагается, что от кредитования одного из участников группы лиц выгоду в том или ином виде получают все ее члены, так как в совокупности имущественная база данной группы прирастает. В то же время наличие обеспечения (в том числе за счет третьих лиц - членов группы) повышает шансы заемщика получить кредит на более выгодных условиях, а займодавца – вернуть заемные средства. Этим объясняется целесообразность и экономический интерес поручителя (залогодателя). Получение банком обеспечения от лица, входящего в одну группу с заемщиком, является обычной практикой создания кредитором дополнительных гарантий погашения заемных обязательств и не свидетельствует само по себе о наличии признаков неразумности, недобросовестности либо злоупотребления в поведении банка.

По условиям договоров от 02.04.2013 и 31.01.2014 банк "Петрокоммерц" обязалось предоставить обществу "Технолат" (заемщику) денежные средства в виде кредитной линии до 01.04.2018 и 30.01.2017 соответственно.

Исполнение обязательств по возврату кредитов обеспечивалось поручительством общества "Авипак", а также залогом недвижимого имущества, технологического производственного оборудования и транспортных средств и спецтехники, принадлежащих обществу "Авипак", залогом основных средств, принадлежащих обществам "Авипак" и "Технолат", залогом 100% долей в уставных капиталах обществ "Технолат" и "Авипак". Кроме того, те же обязательства обеспечивались поручительствами и залогами иных лиц.

19.01.2015 Банк "Петрокоммерц" обратился в арбитражный суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов общества "Авипак" задолженности по договору от 02.04.2013 в размере 894 788 426,12 руб. и по договору от 31.01.2014 в размере 365 887 261,49 руб. (последнее - как обеспеченное залогом имущества должника). Требование основано на кредитных договорах, договорах залога имущества общества "Авипак" и договорах поручительства.

Судами трех инстанций при повторном рассмотрении спора банку отказано во включении в реестр.

Рассмотрев требования банка к обществу "Авипак", суды квалифицировали обеспечительные правоотношения, сложившиеся между этими лицами, как злоупотребление правом ими обоими, указав, что при заключении договоров поручительства и залога общество "Авипак" действовало во вред имущественным правам своих кредиторов.

Проблема мотивов обеспечительных сделок членов группы лиц неоднократно была предметом исследования высшей судебной инстанции и правовая позиция по ней последовательно выработана в

судебных актах по конкретным делам (постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11.02.2014 № 14510/13, определения Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2018 № 304-ЭС17-21427, от 15.02.2019 № 305-ЭС18-17611, от 11.07.2019 № 305-ЭС19-4021 и другие).

Ее суть сводится к тому, что обеспечительная сделка, в которой обязанное лицо не является должником кредитора, как правило, формально не имеет равнозначного встречного предоставления. Однако в предпринимательской деятельности в большинстве случаев только по данному факту нельзя судить об отсутствии в действиях поручителя (залогодателя) экономической целесообразности и имущественного интереса. Мотив совершения обеспечительных сделок следует искать в наличии корпоративных либо иных связей между поручителем (залогодателем) и должником, объясняющих их общий экономический интерес (например, основное и дочернее общества, преобладающее и зависимое общества, общества, взаимно участвующие в капиталах друг друга, лица, совместно действующие на основе договора простого товарищества либо без такового).

Предполагается, что от кредитования одного из участников группы лиц выгоду в том или ином виде получают все ее члены, так как в совокупности имущественная база данной группы прирастает. В то же время наличие обеспечения (в том числе за счет третьих лиц - членов группы) повышает шансы заемщика получить кредит на более выгодных условиях, а займодавца – вернуть заемные средства. Этим объясняется целесообразность и экономический интерес поручителя (залогодателя). Получение банком обеспечения от участника группы, входящего в одну группу с заемщиком, является обычной практикой создания кредитором дополнительных гарантий погашения заемных обязательств и не свидетельствует само по себе о наличии признаков неразумности, недобросовестности либо злоупотребления в поведении банка.

Данный вывод актуален и для ситуации, когда поручитель (залогодатель) испытывает финансовые сложности или когда у него заведомо недостаточно средств для исполнения принятых на себя обеспечительных обязательств в полном объеме, поскольку в конечном итоге за возврат кредита отвечает группа и только с учетом экономических возможностей всей группы кредитор принимал решение о выдаче кредита и связывал свои ожидания по его возврату.

Группа компаний может вести совместную деятельность и без ее юридического оформления, тем более, если компании объединены родственными связями учредителей или руководителей. В связи с этим формальных свидетельств группы (договоров, соглашений, иных документов о совместной деятельности) может и не быть, а групповой характер устанавливается на основании совокупности согласующихся между собой иных доказательств, в том числе и косвенных.

Консолидированная отчетность не является единственным и необходимым признаком группы лиц. К тому же с учетом пункта 2 статьи 1 и статьи 2 Закона "О консолидированной финансовой отчетности" судами не указаны законные основания, по которым группа компаний, в которую, по мнению банка, входят общества "Технолат" и "Авипак", должна вести консолидированную отчетность.

Недоказанность родственных отношений между руководителями всех компаний и участия в группе общества "Норвежская семга" не имеет значения для разрешения обособленного спора, поскольку в данном случае существенное значение имеют правоотношения, сложившиеся между двумя лицами: обществами "Технолат" и "Авипак".

В подтверждение своих доводов банк, представив соответствующие доказательства в суд, ссылался на фактическую и юридическую аффилированность между собой обществ "Технолат" и "Авипак" через семью Винокуровых, где отец (Винокуров Ю.А.) во время заключения спорных сделок имел долю в обществе "Технолат" от 89,5 до 100 процентов. Сын (Винокуров А.Ю.) владел долей в обществе "Авипак" в размере 89,7 процента. Банк полагал, что родственные связи помимо прочего сохраняли возможность оказывать влияние на принятие общих решений (как минимум для обществ "Технолат" и "Авипак") в сфере ведения предпринимательской деятельности.

Общность экономических интересов допустимо доказывать не только через подтверждение аффилированности юридической (например, через корпоративное участие), но и фактической, то есть когда структура корпоративного участия и управления искусственно позволяет избежать формального критерия группы лиц, однако сохраняется возможность оказывать влияние на принятие решений в сфере ведения предпринимательской деятельности (определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2016 № 308-ЭС16-1475).

Сама структура ведения общего бизнеса группой лиц, где, по сведениям банка, заемные средства предоставлялись одному члену группы (обществу "Технолат") в то время как основные наиболее ликвидные и дорогостоящие активы (недвижимость, промышленное оборудование, транспорт и т.п.) были

сосредоточены у другого (у общества "Авипак"), при том, что обеспечительные сделки заключались обществом одновременно с кредитными, вполне объясняло разумность, осмотрительность и достаточность действий банка даже в том случае, если общество "Авипак" имело собственные долги перед третьими лицами.

Торги.

Определение ВС РФ от 02.06.2020 г. № 305-ЭС19-25116

При рассмотрении заявления о признании недействительными торгов и заключенного по их итогам договора по мотиву того, что реализованное имущество является социально значимым объектом (объектом коммунальной инфраструктуры), суду надлежит проверить данный довод, возложив на управляющего и победителя торгов бремя опровержения представленных заявителем доводов. Установив, является ли объект социально значимым, суду необходимо определить надлежащую форму проведения торгов по его реализации.

Целевое назначение имущества должника может быть подтверждено: техническим паспортом, содержащим указание на назначение здания, экспликацией к поэтажному плану, перечнем оборудования, реализованного вместе со зданием, актом разграничения эксплуатационной ответственности по тепловым сетям и т.д.

При этом орган местного самоуправления, отнесенный Законом о банкротстве к числу участников отношений, возникающих при смене собственника объекта коммунальной инфраструктуры при несостоятельности, является лицом, имеющим материально-правовой интерес в оспаривании торгов по продаже упомянутых объектов, совершенных в ненадлежащей форме.

В рамках дела о банкротстве должника администрация муниципального образования обратилась в суд с заявлением о признании недействительными торгов по продаже имущества должника, а также договора купли-продажи, заключенного 25.09.2018 с победителем этих торгов.

Судами трех инстанций в удовлетворении заявления отказано.

Должнику на праве собственности принадлежало нежилое здание центрального теплового пункта, а также расположенный под этим зданием земельный участок.

13.10.2015 должник признан несостоятельным (банкротом), в отношении него открыта процедура конкурсного производства. Продажа имущества и имущественных прав должника осуществлена 20.09.2018 посредством проведения торгов в форме открытого аукциона.

Нежилое здание ЦТП и земельный участок вошли в состав лота № 2. Они реализовывались совместно с оборудованием, находящимся в здании, и правами требования должника к третьим лицам. Победителем торгов по лоту № 2 признан ИП Селиванов А.Ю.

Согласно статье 131 Закона о банкротстве объекты коммунальной инфраструктуры, принадлежащие должнику, включаются в конкурсную массу.

Отчуждение социально значимых объектов в силу прямого указания пункта 4 статьи 132 Закона о банкротстве происходит в особом порядке – в форме конкурса – с возложением на покупателя обязанности надлежащим образом содержать и использовать названные объекты в соответствии с их целевым назначением, а также исполнять иные устанавливаемые законодательством Российской Федерации обязательства. Гарантиями сохранения режима целевого использования объектов коммунальной инфраструктуры являются закрепленная в пунктах 4.1 и 4.2 статьи 132 Закона о банкротстве обязанность покупателя заключить с органом местного самоуправления соглашение об исполнении условий, указанных в пункте 4 статьи 132 Закона о банкротстве, и предусмотренные пунктом 4.2 статьи 132 этого Закона последствия нарушения данного соглашения в виде расторжения в судебном порядке договора купли-продажи по иску органа местного самоуправления и передачи объектов в собственность муниципального образования с выплатой им денежной компенсации покупателю.

Приведенное правовое регулирование обусловлено необходимостью обеспечения жизненных потребностей населения в коммунальных услугах.

Администрация как орган местного самоуправления, отнесенный Законом о банкротстве к числу участников отношений, возникающих при смене собственника объекта коммунальной инфраструктуры при несостоятельности, является лицом, имеющим материально-правовой интерес в оспаривании торгов по продаже упомянутых объектов, совершенных в ненадлежащей форме – в форме аукциона, в обход законодательных процедур и ограничений, налагаемых в связи с этими процедурами на нового собственника.

Поэтому она может требовать признания аукционных торгов, заключенного по их результатам договора недействительными на основании статьи 449 ГК РФ.

Вопреки положениям статей 71, 168, 170 АПК РФ суды первой и апелляционной инстанций не исследовали и не оценили ни одно из доказательств, представленных в подтверждение довода о целевом назначении нежилого здания:

технический паспорт, в котором нежилое здание названо центральным тепловым пунктом гражданского и производственного назначения;

экспликацию к поэтажному плану, согласно которой из общей площади нежилого здания ЦТП, равной 723,6 кв. м, помещение, поименованное собственно центральным тепловым пунктом, занимает 282,5 кв. м, приямок центрального теплового пункта – 23,5 кв. м;

перечень оборудования, находящегося в нежилом здании ЦТП, которое было реализовано вместе со зданием;

акт разграничения эксплуатационной ответственности по тепловым сетям (приложение к договору теплоснабжения), из которого усматривается, что поставка тепловой энергии в ряд многоквартирных домов осуществляется через нежилое здание ЦТП;

письмо акционерного общества «Люберецкая теплосеть» от 01.11.2018, в котором сообщается, что шесть многоквартирных домов рабочего поселка Октябрьский обеспечиваются тепловой энергией с использованием нежилого здания ЦТП;

договор аренды от 01.10.2018, заключенный победителем торгов Селивановым А.Ю. (арендодателем) с муниципальным унитарным предприятием (арендатором), в соответствии с которым нежилое здание ЦТП сразу после приобретения передано в аренду организации жилищно-коммунального хозяйства для использования не только в качестве офиса, но и в непосредственных технологических целях.

Суды первой и апелляционной инстанций ошибочно освободили конкурсного управляющего и победителя торгов от необходимости доказывания возражений по иску, согласившись с их документально неподтвержденными утверждениями и ограничились формальной ссылкой на возможность использования здания ЦТП в различных целях. По сути, суды уклонились от разрешения вопроса о том, задействовано ли нежилое здание ЦТП или его часть в работе систем горячего водоснабжения и теплоснабжения многоквартирных жилых домов рабочего поселка. Вместе с тем этот вопрос имел ключевое значение для правильного определения формы проведения торгов по продаже имущества должника, и, как следствие, для вывода о действительности аукциона.

Изложенные в отзыве на кассационную жалобу доводы конкурсного управляющего о том, что в нежилом здании ЦТП имеются помещения свободного назначения (офисные помещения), сами по себе не могут свидетельствовать о необходимости сохранения юридической силы аукционных торгов. Нахождение в здании как помещений, относящихся к общим объектам коммунальной инфраструктуры, так и помещений, не являющихся таковыми, не позволяет реализовать их единым лотом на аукционе, игнорируя положения статьи 132 Закона о банкротстве. В этом случае конкурсный управляющий как антикризисный менеджер должен был рассмотреть вопросы о возможности и целесообразности (с точки зрения интересов конкурсной массы) раздела исходного объекта недвижимости и раздельной реализации новых объектов (одного на конкурсе, второго на аукционе).

Банкротство граждан.

Определение ВС РФ от 04.06.2020 г. № 306-ЭС19-22343

При утверждении порядка реализации имущества гражданина-банкрота в целях соблюдения интересов сособственников спорного имущества необходимо определить цену доли должника в праве общей собственности.

После определения победителя торгов в отношении доли должника (в том числе иного лица, с которым в соответствии с Законом о банкротстве должен быть заключен договор купли-продажи) сособственнику должна быть предоставлена возможность воспользоваться преимущественным правом покупки этого имущества по цене, предложенной победителем торгов, посредством направления предложения о заключении договора.

В случае отказа сособственника или отсутствия его волеизъявления в течение определенного срока с даты получения им предложения имущество должника подлежит реализации победителю торгов. Такой подход помимо прочего отвечает существу преимущественного права покупки, заключающегося в наличии у определенного законом лица правовой возможности приобрести

имущество на тех условиях (в том числе по той цене), по которым это имущество готово приобрести третье лицо. До выявления победителя торгов такого третьего лица не имеется.

Финансовый управляющий Кучинского В.И. обратился в суд с заявлением об утверждении разработанного им положения о порядке реализации имущества должника - 1/2 доли в праве общей собственности на нежилое помещение, которым предусмотрел, что реализация имущества осуществляется путем направления предложения сособственнику реализуемого недвижимого имущества, в порядке статьи 250 ГК РФ, воспользоваться преимущественным правом покупки имущества по цене, определенной заключением об оценке рыночной стоимости имущества – 971 500 руб. В случае отказа сособственника от преимущественного права покупки недвижимого имущества или отсутствия его волеизъявления в течение 30 дней с даты направления предложения, имущество должника подлежит реализации путем проведения открытых торгов в форме электронного аукциона открытого по составу участников и форме подачи предложений о цене.

Судами трех инстанций положение о реализации утверждено в редакции, предложенной финансовым управляющим.

Предметом данного обособленного спора является разрешение вопроса о порядке реализации участником долевой собственности (сособственником) преимущественного права покупки доли в праве общей собственности на нежилое помещение с должником-банкротом.

В пунктах 1 и 4 статьи 213.25 Закона о банкротстве указано, что имущество гражданина, имеющееся на дату принятия решения арбитражного суда о признании его банкротом и введении реализации имущества гражданина (в том числе доля гражданина-банкрота в общем имуществе, на которое в соответствии с гражданским или семейным законодательством может быть обращено взыскание), составляет конкурсную массу (за исключением имущества, особо оговоренного в законе). По требованию кредитора доля гражданина-банкрота в общем имуществе может быть выделена для обращения на нее взыскания.

По общему правилу имущество гражданина подлежит реализации на торгах в порядке, установленном Законом о банкротстве (пункт 3 статьи 213.26 Закона о банкротстве).

Согласно пункту 1 статьи 213.26 Закона о банкротстве утверждаемое судом положение о порядке, условиях и сроках реализации имущества гражданина должно соответствовать правилам продажи имущества должника, установленным статьями 110, 111, 112 и 139 Закона о банкротстве. Из данных статей следует, что продажа имущества должника, как правило, осуществляется путем последовательного проведения первоначальных и повторных открытых торгов в форме аукциона и торгов посредством публичного предложения до выявления победителя, предложившего наиболее высокую цену за продаваемое имущество. Экспертная оценка рыночной стоимости продаваемого имущества учитывается при определении начальной цены продажи. Порядок, сроки и условия продажи имущества должника должны быть направлены на реализацию имущества должника по наиболее высокой цене и должны обеспечивать привлечение к торгам наибольшего числа потенциальных покупателей.

Специальных норм, регулирующих особенности обращения взыскания на долю должника-банкрота в праве общей собственности на нежилое помещение, в законодательстве о банкротстве и иных специальных законах, регулирующих оборот недвижимости, не имеется. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ "Об исполнительном производстве" (пункт 6 статьи 69) по данному вопросу отсылает к федеральным законам.

В статье 255 ГК РФ, регулирующей общие правила обращения взыскания на долю в общем имуществе, предусмотрен алгоритм последовательных действий кредитора, преследующего цель удовлетворить свои требования за счет стоимости этой доли (каждый последующий этап возможен при недостижении цели на предыдущем): выдел доли должника в общем имуществе и обращение на нее взыскания; продажа должником доли остальным участникам общей собственности по рыночной цене с обращением вырученных от продажи средств в погашение долга; требование по суду обращения взыскания на долю должника в праве общей собственности путем продажи этой доли с публичных торгов.

В то же время Законом о банкротстве установлено, что имущество должника-банкрота за редким исключением может быть реализовано только на торгах (пункт 1 статьи 126 и пункта 3 статьи 139, пункт 3 статьи 213.26 Закона о банкротстве). В силу этого судебный акт о признании должника банкротом санкционирует обращение взыскания на все его имущество, в том числе и на долю в праве общей собственности, и это не позволяет применить положения статьи 255 ГК РФ, касающиеся отношений, возникающих до получения этой санкции.

Проведением публичных торгов достигается установленная Законом о банкротстве цель: возможно большее удовлетворение требований кредиторов должника-банкрота. Однако, законодательством также преследуется цель ухода от долевой собственности как нестабильного юридического образования и охраняется интерес сособственника на укрупнение собственности посредством предоставления последнему преимущественного права покупки доли (статья 250 ГК РФ). Каких-либо законных оснований для вывода о том, что при банкротстве должника его сособственник лишается преимущественного права покупки доли, не имеется.

Таким образом при продаже доли должника-банкрота сталкиваются противоположные и защищаемые законом имущественные интересы кредиторов и сособственников должника. Судебная коллегия полагает, что при действующем правовом регулировании баланс этих интересов будет соблюден следующим образом. Цена доли должника в праве общей собственности на нежилое помещение должна быть определена по результатам открытых торгов. После определения в отношении доли должника победителя торгов (в том числе иного лица, с которым в соответствии с Законом о банкротстве должен быть заключен договор купли-продажи) сособственнику должна предоставляться возможность воспользоваться преимущественным правом покупки этого имущества по цене, предложенной победителем торгов, посредством направления предложения о заключении договора. В случае отказа сособственника или отсутствия его волеизъявления в течение определенного срока с даты получения им предложения имущество должника подлежит реализации победителю торгов.

Такой подход помимо прочего отвечает существу преимущественного права покупки, заключающегося в наличии у определенного законом лица правовой возможности приобрести имущество на тех условиях (в том числе по той цене), по которым это имущество готово приобрести третье лицо. До выявления победителя торгов такого третьего лица не имеется.

Вопреки выводам судов, экспертная оценка доли не может корректно отображать рыночную стоимость имущества, поскольку она имеет предварительный, предположительный характер. Ее результат в идеале менее достоверен, чем цена, определенная по факту по результатам открытых торгов, то есть собственно рынка как такового. Применение оценочной цены не решает проблему несовершенства методик оценки, качества используемых исходных данных, субъективного фактора в оценке стоимости имущества или возможных злоупотреблений, связанных как с завышением, так и с занижением цены. К тому же правовые нормы о банкротстве гражданина (пункт 2 статьи 213.26) не обязывают финансового управляющего проводить экспертную оценку имущества должника.

Мировое соглашение.

Определение ВС РФ от 25.05.2020 № 305-ЭС15-11067

Имеющиеся между конкурсными кредиторами разногласия по поводу условий мирового соглашения устраняются посредством проведения голосования и основываются на предусмотренном законом принуждении меньшинства кредиторов большинством (лиц, обладающих большим количеством требований к должнику (в денежном выражении)).

Однако превосходство в количестве голосов не должно позволять кредиторам, обладающим большинством, принимать произвольные решения. Так, по итогам осуществления предусмотренного мировым соглашением плана кредиторы, чья позиция не была принята на собрании, не должны получать существенно меньше того, что они получили бы в результате незамедлительной реализации имущества в ликвидационной процедуре.

Признаками того, что кредиторы могут получить меньше чем при незамедлительной реализации имущества, могут служить следующие обстоятельства: стоимость имущества должника занижена, а в мировом соглашении отсутствуют сведения об источниках финансирования для погашения требований кредиторов.

В рамках дела о банкротстве должника с применением правил параграфа 7 главы IX Закона о банкротстве судом рассмотрено ходатайство конкурсного управляющего должником об утверждении мирового соглашения. Мировое соглашение утверждено.

На собрании кредиторов должника и собрании участников строительства от 25.03.2019 большинством голосов от общего числа голосов конкурсных кредиторов и уполномоченных органов в соответствии с реестром, а также более чем тремя четвертями голосов участников строительства приняты решения о заключении мирового соглашения.

Утверждая мировое соглашение, суд первой инстанции, с выводами которого согласился суд округа, исходил из соответствия мирового соглашения требованиям Закона о банкротстве. При этом соглашение одобрено собранием кредиторов должника, содержит равные условия для всех кредиторов и не нарушает права и законные интересы иных лиц. Доказательств того, что в случае продолжения процедуры конкурсного производства требования кредиторов были бы удовлетворены в большем объеме, не представлено. Между тем судами не учтено следующее.

Смысл заключения мирового соглашения в деле о банкротстве состоит в том, чтобы, с одной стороны, предоставить должнику возможность продолжить осуществление хозяйственной деятельности (путем восстановления его платежеспособности), а с другой, защитить права и интересы кредиторов, максимально удовлетворив их требования.

Как правило, среди кредиторов имеются различные мнения относительно дальнейшей судьбы должника. Ряд кредиторов видит целесообразным вернуть должника к своей основной деятельности и для этого готовы пойти на ряд уступок экономического характера (скидка долга, рассрочка, отсрочка и т.д.). В то же время иные кредиторы, не усматривая перспективы подобного варианта развития событий (например, в результате недоверия к контролирующим должника лицам), настаивают на немедленной продаже активов должника и распределении выручки.

Имеющиеся между кредиторами разногласия устраняются посредством проведения голосования и основываются на предусмотренном законом принуждении меньшинства кредиторов большинством (лиц, обладающих большим количеством требований к должнику (в денежном выражении)).

Однако превосходство в количестве голосов не должно позволять кредиторам, обладающим большинством, принимать произвольные решения. Так, по итогам осуществления предусмотренного мировым соглашением плана кредиторы, чья позиция не была принята на собрании, не должны получать существенно меньше того, что они получили бы в результате незамедлительной реализации имущества в ликвидационной процедуре (пункт 18 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 20.12.2005 № 97 "Обзор практики рассмотрения арбитражными судами споров, связанных с заключением, утверждением и расторжением мировых соглашений в делах о несостоятельности (банкротстве)").

При утверждении мирового соглашения суд обязан проверить мировое соглашение на предмет соответствия этому требованию, оценить его экономическую обоснованность и целесообразность. Помимо этого суд должен оценить степень вероятности исполнения соглашения с учетом требований разумности и рыночной конъюнктуры.

Поскольку итог будущей хозяйственной деятельности должника зависит от многих, в том числе сложно прогнозируемых факторов, само по себе заключение мирового соглашения не гарантирует безусловное получение большего по сравнению с тем, на что можно было бы рассчитывать в результате незамедлительного распределения конкурсной массы. Однако процедура утверждения мирового соглашения в любом случае обязана обеспечивать защиту меньшинства кредиторов от действий большинства.

Если хотя бы одно из вышеназванных требований не выполняется, суд отказывает в утверждении мирового соглашения как противоречащего Закону о банкротстве и нарушающего права голосовавших против него кредиторов (пункт 2 статьи 160 Закона о банкротстве).

Возражая против утверждения мирового соглашения, участники строительства обращали внимание на заниженную в несколько раз стоимость объекта незавершенного строительства в представленном в преддверии голосования по условиям соглашения отчете об оценке от 19.03.2019 по сравнению с имеющимся в материалах дела отчете об оценке от 05.12.2016. При этом степень готовности объекта составляет 86 % (определение суда от 16.11.2017). По мнению участников строительства, в случае реализации имущества должника с торгов кредиторы получили бы удовлетворение требований в гораздо большем размере, чем при исполнении мирового соглашения, по условиям которого погашается только задолженность по заключенным в 2003 году договорам участия в строительстве без учета реального ущерба. Однако за время конкурсного производства (с 2012 года) попытки реализации спорного объекта с торгов не предпринимались. Кроме того, участники строительства обращали внимание на то, что мировое соглашение не содержит сведений об источниках финансирования для погашения требований кредиторов

Приведенные участниками строительства столь убедительные доводы должны были вызвать у суда обоснованные сомнения относительно экономической целесообразности мирового соглашения, в связи с чем бремя опровержения этих возражений подлежало переложению на конкурсного управляющего и кредиторов, настаивавших на его заключении.

Определение ВС РФ от 28.05.2020 № 305-ЭС18-11645 (3)

Особенность правового регулирования банкротных отношений состоит в том, что за утверждение мирового соглашения в деле о банкротстве должника должны проголосовать все залоговые кредиторы (пункт 2 статьи 150 Закона о банкротстве).

Залоговый конкурсный кредитор основного должника, являющийся правопреемником другого кредитора, вправе согласовать с поручителями, также находящимися в банкротстве, заключение в рамках дела о банкротстве основного должника мирового соглашения на условиях сохранения в последующем поручительства на прежних условиях – подобная договоренность не противоречит положениям ст. 421 ГК РФ о свободе договора.

В рассматриваемом случае недопустимо исключение требований кредитора-правопреемника из реестра требований кредиторов поручителя со ссылкой на то, что обязательство сторон кредитного договора изменено с связи с заменой стороны договора, заемщик-основной должник более не находится в просрочке, а основания для взыскания причитающегося с поручителя и нахождения соответствующего требования к нему в реестре отсутствуют.

В рамках дела о банкротстве должника финансовый управляющий обратился в суд с заявлением об исключении требования Гусарова А.В. из третьей очереди реестра. Судами первой и кассационной инстанций требования управляющего удовлетворены.

Как установлено судами и следует из материалов дела, 11.02.2014 банк (займодавец) заключил с обществом "Комфортный город" (заёмщик) договор об открытии невозобновляемой кредитной линии. Исполнение обязательств заёмщика было обеспечено поручительством должника Терехова А.П. и Акыевой О.О.

В связи с неисполнением обществом "Комфортный город" и поручителями обязательств по возврату займа решением районного суда от 08.12.2015 с указанных лиц в солидарном порядке в пользу банка взыскано 323 374 317,42 руб.

Определением от 31.10.2016 к производству принято заявление банка о признании Терехова А. П. банкротом, 20.01.2017 введена процедура реструктуризации долгов гражданина, в третью очередь реестра включены требования банка, а 18.07.2017 должник признан несостоятельным (банкротом), введена процедура реализации имущества гражданина.

В отношении второго поручителя заявление банка о признании несостоятельным (банкротом) принято определением от 28.09.2016 по делу № А40-17767/2016.

Решением от 31.01.2017 по делу № А23-5277/2016 общество "Комфортный город" также признано несостоятельным (банкротом), открыто конкурсное производство.

05.12.2017 на собрании кредиторов общества "Комфортный город" принято решение о заключении мирового соглашения.

Определением от 19.12.2017 в настоящем деле о банкротстве должника произведена замена конкурсного кредитора – банка на его правопреемника Гусарова А.В., а также Гусаров А.В. признан сокредитором банка по кредитному договору от 11.02.2014.

Аналогичным образом правопреемство Гусарова А.В. состоялось и по делам о банкротстве общества "Комфортный город" и Акыевой О.О.

Определением от 07.02.2018 утверждено мировое соглашение, предусматривающее изменение сроков исполнения обязательств общества "Комфортный город" перед кредиторами, в том числе обязательств перед Гусаровым А.В., обеспеченных поручительством Терехова А.П. и Акыевой О.О.

Полагая, что обязательство сторон кредитного договора изменено, заёмщик более не находится в просрочке, а основания для взыскания причитающегося с поручителя и нахождения соответствующего требования к нему в реестре отсутствуют, финансовый управляющий его имуществом обратился в арбитражный суд с настоящим заявлением.

При разрешении вопроса о влиянии мирового соглашения, заключенного в деле о банкротстве основного должника, на обязательство из поручительства, необходимо исходить из правовой природы обеспечительных сделок, смысл которых заключается в ограждении кредитора от риска непредоставления должником исполнения по основному обязательству, в повышении вероятности погашения долга за счет обеспечения, в защите кредитора от неоплатности должника, в том числе на случай банкротства последнего.

Поручительство как обеспечительная сделка призвано обслуживать интересы кредита, а не наоборот. Добросовестный и разумный кредитор, выдавая кредит, обоснованно рассчитывает на его возврат

заемщиком и получение платы. Фактор же наличия обеспечения, повышающего вероятность возврата денег, объективно влияет на условия кредитования, в частности, на получение одобрения кредитного комитета, срок, процентную ставку и т.д. (Определение ВС РФ от 27.04.2018 № 305-ЭС17-2344(13) по делу № А40-232020/2015).

Особенность правового регулирования банкротных отношений состоит в том, что за утверждение мирового соглашения в деле о банкротстве должника должны проголосовать все залоговые кредиторы (пункт 2 статьи 150 Закона о банкротстве).

В рассматриваемом случае, Гусаров А.В. являлся залоговым кредитором должника, правопреемником банка по кредитному договору, от волеизъявления которого зависела судьба мирового соглашения в рамках дела о банкротстве общества "Комфортный город" (основного заемщика).

Как следует из переписки сторон, представленной в материалы дела, в ответ на просьбу Терехова А.П. о заключении мирового соглашения по делу о банкротстве общества "Комфортный город" Гусаров А.В. сообщил о своем согласии при условии сохранения поручительства Терехова А.П. на прежних условиях, что поручитель фактически ему и гарантировал.

Таким образом, заключение мирового соглашения в деле о банкротстве основного заемщика залоговый кредитор согласовал с поручителем. Стороны пришли к соглашению о сохранении солидарной обязанности Терехова А.П. на прежних условиях после заключения мирового соглашения. Такая договоренность не противоречит положениям статьи 421 ГК РФ о свободе договора. Соответствующая сделка не была признана недействительной в рамках дела о банкротстве Терехова А.П. Следовательно, требование кредитора подлежит сохранению, позволяя ему получить удовлетворение в полном объёме в деле о банкротстве солидарного должника. Иной вывод противоречил бы договоренностям сторон.

Прочие вопросы.

Определение ВС РФ от 17.06.2020 г. № 305-ЭС19-27017

Требование о выделении доли лица и признании за ним права собственности на конкретно обозначенную им площадь незавершенного строительством объекта не может быть предъявлено к первоначальному инвестору в рамках дела о банкротстве последнего (как к лицу, более не являющемуся стороной инвестиционного контракта), а должно быть предъявлено к конечному инвестору.

Москомземом (арендодателем) обществу «Веснянка» (арендатору) по договору аренды от 27.05.1998 предоставлен земельный участок, договор возобновлен на неопределенный срок.

Письмом-уведомлением от 11.07.2000 Москомзем уведомил общество «Веснянка» о прекращении с 23.10.2000 обязательств по договору аренды, предложив в срок до 23.10.2000 освободить земельный участок.

Обществом «Альянс-Сити» (инвестор) и Правительством Москвы 01.07.2003 заключен инвестиционный контракт на реализацию инвестиционного проекта нового строительства многоэтажного гаража-стоянки с торговым комплексом на строительной площадке.

Пунктом 2.3 контракта предусмотрено, что на момент его заключения объект не свободен от текущих имущественных обязательств и подлежит освобождению от собственника общества «Веснянка».

Из торговых площадей (п. 3.1), подлежащих разделу, исключается площадь, принадлежащая на праве собственности обществу «Веснянка» (пункт 3.2 контракта).

Дополнительным соглашением от 12.09.2005 произведена полная уступка инвестором прав и обязанностей по контракту новому инвестору – обществу «Стройтехинсвест».

30.09.2014 общество «Стройтехинвест» признано банкротом, открыто конкурсное производство.

30.01.2014 контракту присвоен статус «прекращен», с указанного момента инвестор прекратил выполнение своих обязательств по контракту, акт о результатах реализации инвестиционного контракта сторонами не подписан.

Общество «Стройтехинвест» обратилось в суд с иском к Правительству Москвы о признании права собственности на долю в объекте незавершенного строительства по инвестиционному контракту со степенью готовности объекта 70%.

17.12.2018 произведена процессуальная замена истца на общество «Стройсибирь».

Общество «Веснянка» обратилось в суд с самостоятельными требованиями к истцу и ответчику о признании доли в объекте незавершенного строительства со степенью готовности объекта 70%.

Судами трех инстанций иск и встречный иск удовлетворены в полном объеме, в удовлетворении требований общества «Веснянка» отказано.

Как указывало общество «Веснянка», пунктами 3.1 и 3.2 инвестиционного контракта стороны прямо предусмотрели, что в качестве компенсации за уничтожение объекта недвижимости, принадлежащего заявителю, в связи со строительством нового здания последний получит недвижимое имущество общей площадью 289,2 кв. м в многоэтажном гаражестоянке с торговым комплексом из торговых площадей данного объекта.

По мнению общества «Веснянка», указанные положения инвестиционного контракта одновременно наделяют его правом требования предоставления соответствующих площадей в собственность и обязывают стороны инвестиционного контракта осуществить указанное предоставление.

Если правила, содержащиеся в части 1 статьи 431 ГК РФ, не позволяют определить содержание договора, должна быть выяснена действительная общая воля сторон с учетом цели договора. При этом принимаются во внимание все соответствующие обстоятельства, включая предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи делового оборота, последующее поведение сторон (часть вторая).

При таких обстоятельствах судам надлежало с учетом приведенных выше положений о толковании условий договора разрешить вопрос о квалификации контракта в соответствующей части в качестве договора в пользу третьего лица и, соответственно, оценить его условия о праве требования общества «Веснянка» на предоставление соответствующих площадей в собственность и обязанности сторон контракта осуществить указанное предоставление.

Однако, фактически, выделяя доли в объекте незавершенного строительства и признавая право собственности истца и ответчика на них, суды окончательно распределили между сторонами более недействующей сделки полученные в результате площади в объекте, созданном в процессе ее исполнения, без учета положений пункта 3.2 контракта о том, что при окончательном разделе возведенных площадей из числа распределяемых площадей исключается площадь, принадлежащая на праве собственности обществу «Веснянка» (289,2 кв. м).

Таким образом, определяя доли истца и ответчика в отношении всех площадей объекта, без наличия необходимости предоставления указанной в контракте части получаемых в результате строительства площадей обществу «Веснянка», суды, по сути, в противоречие положений статьи 430 ГК РФ, признали право собственности общества «Стройсибирь» и Правительства Москвы на площади, возможность передачи которых в собственность указанных лиц не предусмотрена названным контрактом.

Как отмечало общество «Веснянка», положения контракта не наделяют его стороны правами в отношении части объекта эквивалентной площади, ранее принадлежавшего заявителю жалобы на праве собственности. Иных соглашений, определяющих правовой режим указанных площадей, ни обществом «Веснянка», ни сторонами названного контракта не заключалось.

Право собственности на площади, подлежащие передаче обществу «Веснянка», было распределено между участниками спора, а в удовлетворении соответствующего требования названного общества судом было отказано.

Суды посчитали, что поскольку предметом настоящего спора являются требования о признании за инвестором и администрацией лишь доли в праве без выдела доли в натуре, то данные требования не могут затронуть интересы общества «Веснянка».

Полагая заявленное обществом «Веснянка» требование о признании права собственности при установленных по делу обстоятельствах ненадлежащим, суды не учли, что истец по первоначальному иску и истец по встречному иску воспользовались тем же способом защиты своих прав при обращении в суд.С учетом разъяснений, данных в пункте 3 совместного постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», в случае ненадлежащего формулирования истцом способа защиты при очевидности преследуемого им материально-правового интереса суд обязан самостоятельно определить, из какого правоотношения возник спор и какие нормы права подлежат применению при разрешении дела с тем, чтобы обеспечить восстановление нарушенного права, за защитой которого обратился истец.

При таких обстоятельствах судам следовало дать оценку доводам общества «Веснянка» и определить, из какого правоотношения возник спор и какие нормы права подлежали применению при разрешении дела.

Вместе с тем суды сочли, что надлежащим способом защиты прав общества «Веснянка» является предъявление заявленных им требований в деле о банкротстве общества «Стройтехинвест» как неденежных требований имущественного характера, возникших до возбуждения дела о банкротстве.

Однако, как указывало общество «Веснянка», все права и обязанности инвестора по контракту уступлены обществом «Стройтехинвест» в пользу общества «Стройсибирь» по договору уступки прав (цессии), в соответствии с которым к обществу «Стройсибирь» перешли все права и обязанности инвестора, в том числе в отношении общества «Веснянка». Договор уступки прав не содержит каких-либо изъятий, связанных с порядком удовлетворения прав требования общества «Веснянка».

При таких обстоятельствах, указанные выводы судов нельзя признать обоснованными, поскольку они сделаны без учета того, что общество «Стройтехинвест» больше не является стороной инвестиционного контракта, общество «Стройсибирь» не находится в процедуре банкротства, в связи с чем предъявление тождественных требований к первоначальному инвестору в рамках дела о банкротстве не представляется возможным.

IV. НОВЫЕ НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА:

1. Книги

Подольский Ю.Д. Обособленные споры в банкротстве (Статут, 2020)

Османова Д. Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве). Монография (Юстицинформ, 2020)

2. Статьи

Журнал «Арбитражная практика для юристов»

Май

Иванова Т. Собрание кредиторов прошло с нарушениями. Какие из них повлекут отмену принятых решений

Набережный А. Мораторий на банкротство. Как действует новый закон?

Июнь

Суслов Р. Оспаривание цепочки сделок в банкротстве. Скрытые угрозы нового подхода

Журнал «Вестник экономического правосудия РФ»

Май

Борисенко А.В. Варианты поведения кредитора при добровольной ликвидации должника. Анализ судебной практики

Июнь

Тай Ю.В., Будылин С.Л. Сын за отца отвечает. Субсидиарная ответственность членов семьи директора в банкротстве компании

Лотфуллин Р.К. Гражданско-правовая ответственность за умышленные действия, направленные на создание невозможности получения кредиторами должника исполнения за счет имущества контролирующих его лиц

Журнал «Юрист компании»

Май

Голофтеев С. Мораторий на банкротство. К чему готовиться юристам

Июнь

Глушков Н. Должник попал под мораторий на банкротство. Как действовать кредитору

Газета "ЭЖ-Юрист"

Май

Шестакова М. Второй обзор судебной практики Верховного суда о коронавирусе. Разъяснения об аренде, кредитах, банкротстве и коммунальных услугах

Шестакова М. Суды должны оценивать на предмет недействительности всю цепочку сделок банкрота, а не одну из них

Рябин А., Маликов А. Мораторий на банкротство: поможет ли он компании пережить кризис?

Юканова О. Актуальные практики в период пандемии: особенности моратория на банкротство и риски перевода сотрудников на удаленку

Шестакова М. Учредителя бюджетного учреждения можно привлечь к субсидиарной ответственности по долгам учреждения

Шестакова М. Кредиторы вправе инициировать процедуру банкротства в отношении аффилированного лица

Июнь

Шестакова М. Как провести собрание кредиторов в заочной форме?

Юканова О. Должник и кредитор в условиях действия моратория на банкротство: кто в выигрыше и как поменять расклад сил?

3. Блоги

Абянов Р. Оспаривание преференциальных платежей по мнимой сделке

Багаев В. Компенсационное финансирование от аффилированного лица // Интересные дела экономической коллегии Верховного суда

Будылин С. Сын за отца отвечает. Субсидиарная ответственность членов семьи директора в банкротстве компании

Будылин С. Покер в Вавилоне - 2

Венедиктов М. Залог опубличен только в наблюдении. Получит ли залогодержатель статус залогового кредитора?

Галин К. Ограничение процессуальных прав кредитора, предъявившего требования к должнику (с учетом позиции п. 21 Обзора судебной практики ВС РФ № 1 (2020), утв. Президиумом ВС РФ 10.06.2020)

Дамаскин С. Оспаривание сделки купли-продажи почки человека

Епифанцева К. «Банкротный туризм» юридических лиц или нарушение подсудности?

Замалаев П. Вознаграждение управляющего 7 лет спустя через внебанкротные убытки

Казарин И. Дело о трансформации

Коновалов Е. Конкуренция исков: виндикация или оспаривание цепочки сделок (единой сделки)

Кучембаев А. Плавающая дата «объективного банкротства»?

Николаев А. Мораторные проценты в составе субсидиарной ответственности. А где логика?

Николаев А. Реституционные требования в банкротстве: метаморфозы судебной практики

Окатов А. Применение ст. 9.1 Закона о банкротстве в случае подачи должником заявления о банкротстве (недобросовестного)

Оршанский П. Как оспорить сделку древнюю, как мамонт

Платицина Я. Есть ли требованию о внесении обеспечительного платежа место в реестре требований кредиторов?

Савченко Д. Обзор статистики отказов от права на мораторий на банкротство по состоянию на 27.05.2020 г.

Савченко Д. Влечет ли прекращение статуса ИП утрату права на мораторий на банкротство

Савченко Д. К вопросу о квалификации требований, возникших в период моратория на банкротство

Саликов М. Уральская судебная аномалия и единственное жилье должника. Решение найдено и апробировано

Терюхова В. Хьюстон, у нас проблемы: «минусовая» выручка от реализации предмета залога в банкротстве

Толкунова П. Субсидиарная ответственность за неуплату налогов

Улезко А. Когда не попадаешь под мораторий, но очень хочется…

Шайдуллин А. Было ли финансирование компенсационным? О делах, переданных на рассмотрение Верховного Суда РФ

Шарипов Р. К вопросу о защите прав кредиторов наследодателя

Шарипов Р. К ответственности по долгам должника привлечены учредители и стороннее лицо - покупатель имущества

Широкова Е. Определение ВС РФ от 21 мая 2020 года № 308-ЭС19-17398 (2): механизм относительной субординации требований + эффективность соглашений по правилам ст.309.1 ГК РФ в деле о банкротстве

Ягнакова Е. Подлежат ли признанию недействительными торги в случае отсутствия задатка на дату формирования протокола?

* * *

Ответственный редактор Дайджеста:

Алексей Мороз,

адвокат, магистр частного права (РШЧП), к.э.н., управляющий партнер Адвокатского бюро "Эксиора" город Москва

Редакторы:

Гульнара Исмагилова

(юрист-эксперт, редактор портала Закон.ру)

Дарья Нюхалкина

(адвокат, АБ "Эксиора")

Михаил Евсеев

(младший юрист, АБ "Эксиора")

Подписаться на регулярное получение Дайджеста можно здесь

С предыдущими выпусками Дайджеста можно ознакомиться здесь.

Отписаться от получения данной рассылки можно здесь

Контактная информация:

Юридический институт "М-Логос"

http://www.m-logos.ru

E-Mail: digest@m-logos.ru

Тел. +7 (495) 771-59-27

Адвокатское бюро "Эксиора"

http://exiora.ru

E-Mail: info@exiora.ru

Тел.+7 (495) 762-62-44